

АЛЕКСАНДР ИЗОТОВ

НУЛЕВОЙ
МИР

МЕРА
НОЛЬ

ТОМ
1

Нулевой мир

Александр Изотов

Нулевой мир 1: Мера Ноль

«Автор»

2023

Изотов А.

Нулевой мир 1: Мера Ноль / А. Изотов — «Автор»,
2023 — (Нулевой мир)

Он потерял все, но на краю жизни Абсолют предложил сделку. Ему нужно отправиться в "нулевой мир" и защитить тринадцатого. Вот только смерть оказалась быстрее, он не успел дать согласие, и все пошло наперекосяк. Чтобы кого-то защитить, в нулевом мире надо быть сильным. Здесь каждому Небо определяет свою меру. А ему же повезло оказаться в теле самого слабого...

© Изотов А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Распятый	5
Глава 2. Жажда жить	12
Глава 3. Поединок	18
Глава 4. И снова смерть	24
Глава 5. Бьет значит видит	30
Глава 6. Ночь	36
Глава 7. День	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Изотов

Нулевой мир 1: Мера Ноль

Глава 1. Распятый

Я охнул, когда боль в животе снова заставила согнуться. Сквозь пальцы, зажимавшие рану, так и сочилась кровь. Чуть отлегло, и я снова прислонился к ледяному кирпичу. Затылок чувствовал вибрацию шоссе, сверху шуршали шины проезжающих авто. В середине осени умирать под дорожным мостом довольно холодно. И одиноко.

Едва я закрывал глаза, как снова и снова видел эту картину. Навечно застывшие глаза жены, и неподвижная дочурка в ее объятиях. Кровь, уже пропитавшая волосы, безжизненные поломанные пальцы...

Нет, хочу запомнить их другими. Память отказывалась помогать, но я настойчиво вытаскивал из прошлого кусочки счастья. Доча, ласково обнимающая меня за шею... Я упорно вспоминал мягкие губы жены. Такие живые, жадно ищущие мои губы...

Кротов должен сдохнуть! Эта мысль резанула, разметала собранные с таким трудом крохи тепла. Мой наниматель инсценировал свою смерть, а я понял это слишком поздно. И не успел защитить семью. Свидетелей убирают, или заставляют молчать.

Заморосил дождь, и пронизывающий ветер горстями забрасывал его под мост. Везде холод. Даже в животе, куда вошла пуля.

Подняв голову, сквозь пелену смерти я разглядел бетонные переборки моста. Ты, там, на небе... Если не примешь к себе моих, я найду тебя. Вылезу из ада, но найду.

Ни хрена не стоит твой мир... Там, где происходят такие вещи, бога нет. Что натворила шестилетняя Эльза?

Я грешен, я много кого убил. А Кротов жив... Он сдохнуть должен, ты слышишь?

«Ты действительно этого хочешь?»

Голос возник из ниоткуда, он заполнил все пространство, резонируя в бетонных конструкциях. Сил удивляться не было, осталась только предсмертная тоска. И злость...

– Хочешь мою душу? – прохрипел я, еле двигая языком. Я даже не думал, что у меня еще получится заговорить.

«Что мне твоя душа? Я и так могу забрать ее».

Я горько засмеялся, и острая боль сотрясла тело и заставила закашляться. Все, я уже одной ногой там. Голоса слышу.

– Деньги нужны? Даже там, у тебя, все деньги решают?

Я выплюнул эти слова с порцией крови. Кажется, задело легкое.

«Мне нужна твоя воля».

Сил говорить уже не было, я скатывался в пучину неведомого. Нижнюю часть тела уже совсем не чувствовал.

Воля. Как пафосно это звучит. Я хотел отомстить, словил пулю в кишки, и теперь умираю. Такая была моя воля.

«И что это даст?» – я с усилием удерживал себя в сознании.

«Ты сможешь отомстить».

«Да в жопу Кротова! Верни мне жену и дочь...»

«Мертвые не возвращаются».

«Тогда вали, откуда пришел. Я иду к ним».

Голос засмеялся. С ним смеялось все вокруг, даже бетонные конструкции тряслись от смеха, и хохотали на шоссе мокрые автомобили. Будто я сказал какую-то наивную глупость.

«Кротов провел обряд. Я заберу твою душу».

Эти слова меня удивили. Обряд? Что за ересь.

Впрочем, даже удивление уже лишало сил, и я сполз по стене, заскрежетал зубами от бессилия. Пистолет звякнул о бетонный пол. Несправедливость этого мира просто поражала. У богатых везде, даже после смерти, есть связи.

«Мне не нужна твоя душа. Мне нужен ТЫ».

Я ему нужен.

И Кротову был нужен. Молодой, неопытный телохранитель – ну, какой министр возьмет себе такого? Да, тогда это казалось невероятной удачей.

Я стиснул зубы от бессильной злости.

«Мне нужна моя семья».

«Мертвые не возвращаются, но есть другой путь».

Другой путь. Эти слова зацепили, душа встрепенулась, и таинственный голос, видимо, почувствовал слабинку.

«Ты отправишься в нулевой мир».

Своим лбом я чувствовал шербатый бетон, боль от впившихся крошек удерживала на грани сознания. Я даже позволил себе удивиться.

«Нулевой?»

«Ты защитишь тринадцатого».

Нулевой мир. Тринадцатый... Чушь!

Я закашлялся, бетон подо мной заблестел. Кровь. Через пару секунд меня отпустило, но стало еще холоднее.

«Почему я?».

Я уже не говорил, а только думал, но даже мысль требовала сил. Новая волна накатила, и перед глазами стало темнеть.

«Что ты решил? Времени мало».

«Почему я?»

Темнота и холод схватили за самую душу, пронзили болью, и я попытался выдохнуть еще хоть слово...

«Кто это?»

Я плыл в пространстве, не понимая, где свет, а где тьма... Все вокруг заполнил протяжный гул, здесь не было тишины. Я не чувствовал тела. Его просто не было.

«Человек».

Новые голоса. Не такие сильные, как тот. Певучие. Но эти голоса мне совсем не нравились.

«Не просто человек. Ты чувствуешь это?»

«Да».

«Нельзя дать ему пройти в нулевой мир».

«Он здесь по ЕГО воле» – вмешался третий голос. Мелодичный, похожий на женский.

«Он не сказал «да»».

«ЕГО намерение – закон!» – третий голос противился.

Снова боль. Откуда, где? Ведь тела нет. Кажется, что тебя грызут, разрывают на части. Душу рвут.

...

– Разряд!

...

Меня потрянуло. Голодные твари отлетели, разметались в стороны.

«Надо торопиться!»

«Он здесь по ЕГО воле!» – не унимался третий голос, – *«Что вы творите?»*

«Его можно убить. Он не дал согласия».

«И тебя убьем!»

И снова накинлись. И я бы рад отбиваться, но нечем. Я ничто. А боль реальна.

Рядом заверещал женский голос. Кажется, на мою защитницу тоже напали.

...

– Адреналин.

– Пульс пропал! Теряем.

– На счет три...

...

«Он уходит!»

«Нельзя его упустить. Хозяин будет недоволен!»

«Вы нарушили ЕГО волю!»

«Ты сейчас умрешь!»

Меня снова тряхнуло, будто толкнули что есть сил. Что они делают?

...

– ...один. Разряд!

– Три. Два. Один...

– Разряд!

Я снова умирал.

«Очнись».

Женский голос позвал, но мне было не до него. Холод окутывал... Хотя, постой, холода как раз и нет. Жара адская. Я чувствую ее всем телом. Что происходит?

В уши летели звуки. Крики женщин, мужчин и детей. И треск. Так может трещать только пламя. В нос ударил запах дыма. Что-то горит...

Я со стоном разлепил веки. И зажмурился от яркого света.

Солнце нещадно палило, обжигая обгоревшие плечи. Даже закрытые глаза не помогали от яркого света. Пот безжалостно прожигал ссадины и раны солёным клеймом, заставлял все тело гореть тупой болью. И ни двинуться, ни почесаться – руки прочно привязаны к толстому столбу за спиной, как и ноги.

Судя по ощущениям, столб был деревянный, и висел я на нем очень давно.

Сил стоять уже не было, и я просто висел на верёвках, которые с адской заботой резали кожу. Я прижался затылком к столбу, чуть подняв голову – солнце прожгло веки, да ещё брови отпустили порцию пота прямо в глаза.

Я зажмурился еще сильнее, мотнул головой, пытаюсь стряхнуть...

– Этот живой!

– Добей...

Какой-то незнакомый язык. Каркающий, грубый. До меня не сразу дошло, что я его понимаю.

Кого добей? Меня?

Откуда-то появились силы, я задёргался, зарычал, высохшие губы разомкнулись:

– Не-е-е...

Движение тела крутануло меня в сторону – веревки давно так туго натянулись на онемевших конечностях, что на столбе висели уже свободнее. И в этот же момент с гулким стуком столб за моей спиной тряхнуло, и я резко почувствовал, как правого бока коснулось что-то теплое. Даже горячее.

– Везучий недоносок!

– Моя бабушка лучше метает, чем ты, Троргал, – раздался чей-то смех. Голос был мощный, как из трубы.

«*Живи!*»

Да я бы с радостью. Я снова разлепил соленые веки, глаза нещадно жгло.

– Дохляк какой!

– Так нулевой же. Святоша он, не видишь?

– Точно.

– Дай копье...

– Я сам. Учись.

Я едва смог разглядеть две смутные фигуры передо мной. Огромные. Блин, сил нет совсем. Рук не чувствую, совсем затекли.

«*Поединок проси!*»

Станный совет, учитывая ту боль и слабость, что я чувствую.

– Как думаешь, Троргал, с бревном срублю его?

– Дохляка точно перерубишь.

Я сморгнул, картинка чуть прояснилась. И разглядел копье. Охренеть, да это бревно с наконечником в полметра! Как можно его удержать?

«*Боя проси! Ты слышишь меня?*»

Я только сейчас осознал, что женский голос был в моей голове. Но пот залил глаза, картинка размылась, смутная фигура подняла оружие, и я сразу забыл про голос.

Времени думать не было.

– По...д...нок... – прокаркал я сухим горлом, пытаясь двигать разбухшим языком.

– Что он сказал? – фигура с копьем опустила оружие.

– Кажется, подонок.

– Поеди... к... – снова попытался я.

Зарывав от бессилия, я рванул на веревках. Боли в руках не почувствовал, и это испугало еще больше. Боль надо чувствовать.

Я усмехнулся. Всего минуту назад умирал под мостом, а сейчас при виде копья, которым можно слона пробить, вдруг жить захотелось.

– Бой! – наконец у меня вырвалось четкое слово.

– Что? – послышался удивленный голос, – Ах, ты дерьмо нулячье!

Следом раздался раскатистый смех, который сразу же оборвался хлестким ударом. Смеявшийся охнул и выругался.

– Троргал, посмейся мне тут, зверье пустое!

«*Поединок священен! Зеленые Скорпионы немногие, для кого честь что-то значит.*»

Я попытался проморгаться еще. Получилось осмотреться чуть лучше.

Деревня с простыми мазаными домами, соломенные крыши. Солома дымила, среди горящих домов мелькали люди, воздух был наполнен криками. Кажется, здесь явно не вечеринка. И уж точно сюда еще не докатилась цивилизация.

Передо мной стояли два воина. Это как картинки в гугле набрать с тегом «воин», именно такие персонажи и вылезут. Огромные, плечистые, в кожаных бронях, обшитых металлическими звеньями.

Горящие яростью глаза. Волосы убраны назад. И кожа с зеленоватым отливом. Удивляться времени не было, и я просто принял это как данность. Зеленые Скорпионы, значит...

У копейщика светлые волосы, витая татуировка на левой щеке. Я про себя окрестил его блондином. Другой воин, который, видимо, и метнул топор, был с черными волосами. Ну, будешь брюнетом.

Блондин указал второму на меня:

– А если ноль зовет на поединок, это считается?

- Да нет, конечно!
- То есть, прибыю, и ничего не будет?
- Да ну ноль же, к тому же просва!
- «Скажи, что Небо разберется».

Я поймал себя на мысли, что с надеждой ждал, что еще скажет этот голос. Благодаря ему я жил уже на несколько секунд больше, и не доверять сейчас резона не было.

Копье поднялось над плечом, блондин с татуировкой замахнулся.

– Небо... разбир...ся... – пересохшие губы совсем не слушались. Сухой язык только бестолку шлифовал их.

Копье опустилось.

– Да катись все в ноль! – выругался воин.

Брюнет, который, по-видимому, звался Троргалом, сказал:

– Тогда зовем десятника. Он мастер, скажет, что делать.

– Да, так лучше будет... Зверье пустое!!!

Я, поняв, что мне подарили еще несколько минут жизни, скосил глаза вниз.

Невероятно худые, обгоревшие ноги, обмотанные в драное тряпье. На ногах и животе саднящие кровавые следы. Что могло их оставить? На ум приходил только кнут.

Сбоку торчала деревянная палка. Ручка топора. Я уже не удивился, что топор такой огромный, после того, как увидел копьё. Воины такой комплекции, как те двое, играючи управлялись с таким.

Передо мной остался только воин с копьем, второй куда-то исчез.

Чувствуя кожей горячий металл топора, я попробовал подтянуть руки так, чтобы перерезать веревки. Не получилось, лезвие топора под мышкой, руки связаны за столбом.

Блондин спокойно следил за моими попытками освободиться, даже не пытаясь помешать. В принципе, я уже разглядел свое тщедушное тело, и понимал, почему он не беспокоится. Прибьет одним пальцем.

И как я собираюсь с ним биться? Я даже рук не чувствую.

«Ты жив, это главное!»

Я выругался. И прикусил разбухший язык. Кровь наполнила рот, и это помогло. Я облизнул этой влагой губы, даже проглотил немного. Железный противный вкус.

Светловолосый с отвращением поморщился и сплюнул.

Я закрыл глаза, опять накатывало безразличие. Нет, нельзя сдаваться. Надо бы удивиться, что это за мир, где я. Но желание жить явно намекало, что это можно оставить на потом.

Почему-то я плохо помнил, кто я. Помню только... Мост... Голос.

Жена! Дочь! Мне обещали их вернуть!

«Сделка с Абсолютом?»

Кажется, эта женщина в моей голове обо мне ничего не знает.

Раздался крик, я повернул голову.

Откуда-то сзади появился невысокий человек, тоже в простых доспехах, на голове шлем. Кажется, броня была ему великовата. Вооруженный тонким мечом, он заорал и ринулся на блондина.

– Сдохни, задница скорпа!

Короткий взмах копьем, и наконечник высунулся из спины бедняги. Тот даже не смог достать клинком до противника, а только захрипел, дернулся пару раз и затих. Меч выпал из руки и со звоном упал на землю. Блондин, внимательно глядя на меня, чуть улыбнулся, и одной рукой играючи поднял копьё с насаженным на него человеком.

У меня чуть челюсть не отпала. Это невозможно! У него мышцы порваться должны.

Воин сделал короткое движение, будто стряхивая воду с копья, и мечник улетел в сторону. Что-то незримое, будто прозрачный светлячок, отделилось от замершего далеко в стороне труп и полетело к копейщику.

Светлячок влетел в воина в районе груди и исчез, а тот, довольно улыбнувшись, прикрыл глаза. Будто кайф поймал.

Да что это за мир такой? Воины, мечи, копья!

«Это нулевой мир».

Я закрыл глаза и, наконец, решил обратить внимание на голос. Он был женским, певучим, и звучал довольно приятно для моего уха. Точнее, мозга.

«Кто ты такая?»

«Готовься!»

Голос проигнорировал мой вопрос, но я послушно открыл глаза.

К нам в сопровождении Троргала шел еще один воин, с большим мечом в руке. Наверняка тот самый десятник. Лысый, седые усы и короткая борода. Одет в кольчужные штаны на голое тело, лишь только грудь и плечи перекрещивали кожаные ремни. Дубленые полоски кожи поблескивали железными бляшками, но почему-то у меня были сомнения насчет эффективности такой брони.

Впрочем, судя по размерам этого десятника, броня ему была не нужна. Он был на голову выше Троргала, и на столько же шире в плечах. На голом теле, наряду с витиеватыми татуировками, было видно полно шрамов, и они придавали еще более устрашающий вид. Его кожа тоже отливала зеленью, но по сильным мазкам на груди я понял, что это просто краска.

На поясе у лысого висел топор, не меньше того, что торчал в бревне у меня под боком. Его меч был в несколько раз больше, чем тот, что лежал у ног блондина. Как можно махать полутораметровым куском железа весом с аккумулятор от грузовика, я не представлял.

До меня стало доходить, что сказав «поединок», я всего лишь попросил убить меня.

– Кроммал, что у тебя тут? – рявкнул десятник.

Блондин ткнул копьем в мою сторону.

– Тут вот, меня на поединок вызвал...

– Ты из-за него меня позвал? – лысый лишь мельком глянул на меня, – Да это дерьмо нулячье!

«Берегись!»

Легко сказать! Я же связан, никакой свободы действий.

Я едва успел заметить движение руки, снимающей топор с пояса, и дернулся что есть сил, прижимаясь к торчащему лезвию, отвел голову...

Меня чуть не оглушило, с таким треском вошел в дерево топор у самого уха. Столб тряхнуло, и я почувствовал, как загорелось соленой болью плечо – лезвие топора надрезало кожу, и пот сразу смешался с кровью.

Было больно, но я еще жив!

– Ах, ты ж! – вырвалось у десятника.

Мое сердце гулко забилося, ударяя по ушам, и я, в очередной раз поражаясь своей глупости, крикнул:

– Бой!

Впрочем, другого выхода у меня не было. На поясе у Кроммала висел еще топор, и третий раз будет последним.

Воины стояли, пораженные тем, что их мастер промахнулся. Если Троргал еще мог списать все на везение, то тут, кажется, были уже знаки судьбы.

Кроммал покосился на небо и приложил на всякий случай два пальца ко лбу.

– Да не может быть, – сказал наконец десятник, – Это же ноль!

– Да, это вообще просва, – кивнул Троргал, – Их проповедник!

– Да ересь это! – десятник свирепо качнул головой и потянулся к топору на поясе Кром-мала.

– Поединок священен! – раздался еще один голос.

Воины обернулись, я тоже скосил взгляд. К площади с моим столбом двигался еще один человек. Седые волосы, убранные в хвост, борода, и пронизательный взгляд. Он не был одет, как воины, – пытаюсь понять, кто это, мозг предложил мне слова «маг» или «знахарь».

Простая зеленая туника свисала до колен, под ней угадывалась легкая кольчуга. Убранные волосы украшал серебряный обруч, в руках он нес искривленный длинный посох, доставший ему до плеча. Посох был изогнут дугой, и заканчивался странным наростом в виде жала.

– Торбун, ты же не хочешь прогневать Небо? Давно меру свою не терял?

– Старый, это же просва! – в голосе лысого появилось оправдание.

– А скинешь меру, если Небо вдруг накажет? Из-за нуля готов рискнуть?

Торбун недовольно поморщился, потом кивнул Троргалу:

– Развяжи его.

Седой добавил, поглаживая бороду:

– Тем более, скорпионы, где вы видели «просветленного», который хочет драться?

Глава 2. Жажда жить

Ну, ждатель, что меня заботливо развяжут и подхватают на ручки, не пришлось.

Троргал подошел, вырвал свой топор, не заботясь, что острые края задела мою руку. От боли я прижался затылком к дереву. Воин скрылся из глаз, зайдя за спину, и тут столб тряхнуло так, что у меня зубы чуть не вылетели. Он перерубил веревки!

Мои руки разлетелись в стороны... Но ноги-то так и связаны.

Я полетел головой вниз, попытался поджать ноги, кое-как подставил локти, руки совершенно не слушались. Удар о землю оглушил, я сложился, и ноги страшно заломились, натянув веревки и жилы до предела. Сейчас сломаются.

Новый стук топора. Я с облегчением ссыпался на землю. Именно ссыпался, сил во мне вообще не было. Я часто задышал, в нос ударила сухая пыль.

Сколько я провисел тут? Я себя помню только пять минут всего.

«Этот проповедник висел тут два дня».

Два дня!!! От осознания этого ко мне сразу вернулись все чувства. Тело скрутило болью, занемевшие руки и ноги взорвались миллионами искр, будто прошило пылью из ружья.

Горло загорелось, иссохшее нутро стало долбить в мозг о своей жажде.

– Пить!

У меня вырвалось это непроизвольно, но сил терпеть больше не было.

– А пожрать не дать, просва сраная!

– Давно не отливал, сейчас я тебе помогу, – шаги зашаркали в мою сторону.

– Троргал! Небо оскорбить вздумал?

Я сжал пальцы от злости, и, скребя ими по земле, подтянул ноги. Сволочи, дайте только...

Еле подняв голову, я уткнулся взглядом в меч, лежащий у ног воина с копьём. Как его там, блондина этого? Кроммал? Зарычав, я выкинул руку вперед. До меча всего-то шагов пять.

– Пить! – снова вырвалось у меня.

– Вот же говно нулячье, и как осмеливается только?

Я с криком подтянул свое тело, упираясь коленками, и прополз несколько сантиметров. Земля была твердой, с мелким крошевом какого-то камня. Все это впивалось в локти, в колени, лезло в саднящие раны. Блин, заражение подхватчу.

– Вот же просва упрямая. Сдох бы давно, и ладно.

– А ну, зверье пустое, заткнулись! – это рявкнул десятник, кажется.

– Торбун, если доползет до меча, дашь ему воды.

– Хорошо, Старый.

Я попытался еще пару раз подтянуться, но силы быстро покинули меня. Уткнувшись лбом в землю, я задышал, вдыхая грязь и раздувая вокруг пыль. Надо еще тянуться!

Не могу...

Даже по сравнению с огнестрельным в живот эта боль была невыносима. Дали бы мне умереть там, под мостом...

Лежать просто так оказалось приятно. А что, если не двигаться, и спокойно помереть, отдать богу свою душу. Полететь навстречу родным. И мучения прекратятся.

Богу душу...

Воспоминания резали слова о том, что мою душу заберут. И родных я там не встречу.

Я попытался подтянуть себя еще. Сил поднимать голову не было, и я просто повернул ее поудобнее. Меч поплыл перед глазами, стал расплываться.

«А твои жена и дочь? Как же они?»

Зарычав, я подтянул руку, сделал усилие. Тело дернулось и обессилело замерло. Не могу больше.

– Бесхребетный ноль!

Я усмехнулся. Посмотрю я на тебя, когда ты повиснешь два дня на столбе под палящим солнцем. И тебя будут жрать мухи.

«Ты не висел! Ты тут десять минут всего!»

Я выругался. Вот же назойливая баба. Заткнись!

«Вставай, ноль! Я жить хочу!»

– Не, все, этот не доползет, – слышался голос Торбуна.

– Может, добить? – с надеждой спросил Кроммал, – Небо одобряет милосердие.

Сраный копейщик! Я подтянул руку, она застыла на полпути. Простите, мои дорогие!

– Я тебе добью! Надо будет, сам сдохнет, не испытывай судьбу.

Снова уткнувшись носом в пыль, я... заплакал. Глаза жгло, влаги давно не хватало, но тело с болью содрогалось в приступах рыдания. Вокруг стояли несколько воинов, и наверняка с презрением смотрели. А мне все равно, я умираю.

«Папа!»

Я затих. Что? Это кто?

«Папа. Иди сюда! Смотри, что я умею!»

Эльза! Моя Эльза! Ты моя кровинка!

«Папа-а-а. Ну-у, что ты лежи-и-ишь?»

– Да иду я, иду! – вырвалось из пересохшего горла.

Новое попытка, я с огромным усилием поднял голову и уперся подбородком в грязь. Меч всего-то... ну, какого хрена? Он все так же в пяти шагах!

– А-а-а! – я закричал, раздирая пересохшие связки.

Тянем одну руку. Обдираем кожу до новых ссадин, я чувствую, как вырываются волоски с корнем. Прочертив локтем, будто по наждачке, я выкинул руку вперед, больно вонзив пальцы в пыль.

Вторую руку под себя. Опираемся на локти. Экономим движения. Ползем телом, помогаем уставшим рукам.

«Помогаем локтями, сраные вы шавки! Автомат в руках у вас будет, как ползти будете? Уро-о-оды! Понабрали говно всякое!! Куда ты, шваль, автомат в грязь опустил? Он у тебя блесте-е-ет до-олжен!!! Ты у меня за всю роту стволы чистить будешь!»

Голос нашего сержанта оглушительно прогудел из прошлого и будто поддал пинка по моему новому тощему задку. Я сразу согнулся, выпятив пятую точку к небу, и кинул себя вперед. Вернее, попытался, но все же продвинулся вперед сразу на два шага, прочертив подбородком борозду и набрав в рот земли.

– Вот же нулячий ноль!

– Настырный. Стихия духа в нем сильна.

– Стихия духа есть у всех, Старый!

– Да, Торбун, но кому-то меньше досталось, кому-то больше.

– Да он же нулевая мера! Чего там больше?

– Сейчас и поглядим. Воды скомандуй принести.

Десятник рыкнул и шаркнул ногой от досады.

– Трогал, дуй давай за водой, зверье твоё пустое!

– Понял, мастер.

Прошаркали шаги, отдаляясь от меня, а я так и лежал, не сводя глаз с меча и готовясь к следующему рывку. Земля скрипела на зубах, когда я сжимал челюсти от боли, но потихоньку я опять подтянул колени под живот. Локти под грудь.

Готовься...

Пры-ы-ыжок!

Тело рванулось, и я попытался выкинуть руки вперед. Получилось очень плохо, я со всего маху проехался лицом по земле. Даже в глаза попало, и я загудел от наждачной боли, зажмурившись. Вот только пальцы...

Пальцы правой руки коснулись чего-то, что не могло быть землей. Твердый металлический предмет. Я с лаской погладил наверх рукояти клинка, пытаюсь рассмотреть его через забитые песком глаза. Все слезилось, долго веки держать открытыми не получилось, я снова зажмурился.

Как же больно.

Но пальцы все пытались подцепить. Подтянуть. Еще чуть-чуть. Есть! Да, усилия не пропали даром.

Я счастливо заулыбался, сразу почувствовав песок между зубами и губами. Теперь все усилия на то, чтобы удержать и подтянуть. Пальцы, к которым наконец прилила кровь, разгибаются, соскальзывают, но я потихоньку тяну.

Клинок тихо звенел, скользя по редкому гравию. Я тянул к себе меч и не верил происходящему. Я сегодня умирал под дорожным мостом, в мире с машинами и техникой. А здесь что? Мечи, копья... Что это, постановочные декорации? Но лежащий неподалеку труп воина говорил об обратном.

Клинок оказался в моих руках и я осторожно обнял его, прижавшись щекой к рукояти. Так, свернувшись в позу зародыша и обнимая меч, я отдыхал.

– Вставай! Собака нулячья!

– Небо ждать не будет.

Послышались шаги. Я поднял голову, пытаюсь разомкнуть песочные глаза. Вернулся Троргал.

Рядом упала кожаная фляга, внутри заплескалось, забулькало...

Откуда только силы появились, руки мигом схватили, я за секунду нашел деревянную пробку. Только что пальцы меч ухватить не могли, а пробку мигом выдернули. Я оперся на локоть, разом приподняв тело, и подкинул флягу ко рту.

Я зацепился взглядом за воинов. Они смотрели, чуть улыбаясь, хитро шурясь. Рука с флягой остановилась, бессильно опустилась на землю. Что там, отравы?

– Да никто тебя травить не будет, – усмехнулся знахарь, – Это не делает чести воину.

Я с сомнением поджал губы и покосился на небо, смаргивая боль от песка под веками. Кто знает, что у них там небо разрешает, а что может оказаться вполне нормальным? Во всех этих религиях всегда так было – что не запрещено, то, значит, можно. Подлая суть человека извернется, но найдет лазейку.

«Честь для Зеленых Скорпионов не пустое слово».

Ага. И она еще здесь.

Я вздохнул. Память вырвала какие-то обрывки с уроков по выживанию. Что-то там про спазмы желудка. Это про еду или воду? Вот не помню, хоть убей.

Мне бы вспомнить, как меня зовут. Вот дочку точно помню.

Я осторожно приподнял мешковатую флягу, приложил к губам, чуть поднял. Прохладная жидкость с землистым привкусом хлынула в рот, и я, сделав неимоверное усилие, убрал флягу ото рта. Весь организм вспыхнул буйной сиреной: «ГЛОТАЙ! ПЕЙ! ГЛОТАЙ!»

Я выдержал. Прополоскал водой рот, воспаленный язык благодарно купался в ней спустя два дня засухи. Собрав всю грязь и песок, я... выплюнул ее на землю.

– Вот же ноль смердящий! Он издевается.

– Тихо, Торбун, мы же не в пустыне. Воды хватит.

– Старый, что мы с ним телимся?

Первые крохи жидкости, впитавшиеся через язык, прояснили голову. Я пригубил снова и сделал три мелких глотка. Организм, до этого трубивший во все барабаны, понял, что моя воля сильнее, и безропотно принимал ту дозу, что я определил.

Как же хорошо. Твою-то мать, я никогда еще в жизни не пил с таким удовольствием. Эта вода казалась самой вкусной, что я пробовал.

Сделав несколько глотков, я снова взял паузу. Появились силы.

– А-а-а... – со стоном и криком я, толкаясь локтем, а потом и ладонью, натянул измученные мышцы, и сел.

Я сидел!

– Кого он вызвал на поединок?

Знахарь задал вопрос, но в ответ возникла пауза. Я плеснул из фляги в грязную ладонь, растер воду, пытаясь сделать почище. Налив еще немного, я попытался промыть глаза.

– Я пойду! Пальцем перешибу.

– А с чего это ты, я же топор метнул!

– И промахнулся. Попытку сделал.

– Их тут двое было, Троргал и Кроммал, – пояснил десятник.

Я поднял голову, оглядывая лица огромных и суровых воинов. Троргал и Кроммал хищно улыбались, их глаза прямо горели желанием перерубить тощего нуля.

Кроммал так и не отпустил копье. Он упер его древком в землю, одну руку положил на бок, и стоял, выпятив грудь. Троргал, прищулив глаза, попробовал на остроту лезвие топора и кивнул мне. Типа, все готово для тебя.

– Дерьмо нулячье, долго молчать будешь?

Я перевел взгляд на десятника. Он нервно дернул мечом, и глядя на меня с презрением, сплюнул мне под ноги. Вся эта суета с «дерьмом нулячьим» явно казалась ему лишней тратой времени.

Вокруг горела и грабилась деревня, кричали люди, и там воины Торбуна давно уже без присмотра. А он тут, нянчится с каким-то задохликом, вдруг нашедшим в себе наглость умереть красиво.

Лысый зарычал от злости и, глянув на небо, резко приложил ко лбу два пальца и отмахнул их вниз. Это у них наверняка жест какой-то священный. Или охранный.

– Просветленный, знаешь ли ты правила? Ты хотел поединка... – устало вздохнув, сказал Старый.

Он нервно поправил серебряный обруч и покосился на воинов. Авторитет авторитетом, но ему не надо, чтобы все думали, что у него начинаются старческие капризы.

– С ним буду биться! – я указал пальцем на десятника.

Лысый хапанул воздуха и покраснел от злости.

– Да как ты, нулевая мера, смеешь?

Кроммал возмущенно покачал головой:

– Просва, ты не видишь, кто перед тобой? Это мастер зверь, третье жало!

«Ты сдурел? У тебя никаких шансов!»

Даже моя соседка по палате возмутилась.

Я усмехнулся. Можно подумать, с блондином или брюнетом у меня больше шансов. Если уж вызывать на поединок, то самого сильного. А Небо разберется.

«Идиот!»

Я посмотрел на небо. И вдруг приложил два пальца правой руки ко лбу и отвел их. Я сразу понял, что это движение для этого тела очень привычное, будто делаю это тысячу раз на дню.

– Да будет так, – сказал Старый, покачав головой. Он явно ожидал от меня чего-то другого.

– Ну, ноль, ты мог умереть быстро, – прошипел сквозь зубы Торбун.

Да, спасибо. Два дня ждал смерти, куда уж быстрее-то.

Я потихоньку нагнулся вперед, уперся ладонями в землю, и попытался встать на колени. Руки затряслись, ноги не слушались, но после четвертой попытки я смог таки упереться. Теперь подъем! Подъе-е-о-о-о-ом!

«Вставай, твою мать! Шавка сраная! Подъе-е-о-о-о-ом! Что, сил нет?!? А моргать силы есть? Это я тут вас жалею, а враг жалеть не будет. Ножик в позвонки отлично входит!»

Враг жалеть не будет. Перенеся вес тела на трясущиеся ноги, я вдохнул и, наконец-то, оторвал руки от земли. Медленно поднялся и, пошатываясь, осмотрелся.

Синее небо с ярким солнцем, одинокое облачко. Деревня находилась в какой-то долине, вокруг возвышались самые настоящие горы. Все, как на картинках – снежные шапки, величественные перевалы, и стелющийся на склонах туман.

Тут было даже уютно, в этой деревне. Если бы не резня, которую тут, по-видимому, устроили эти самые Зеленые Скорпионы.

«Не спеши судить».

Я с сомнением слушал голос. У меня свои представления о морали, и в то, что здесь все справедливо, мне не верилось. Если этот Торбун считает нормальным резать детей и женщин, то у меня против него рука не дрогнет.

«В какого идиота я попала!»

Воины разошлись, освобождая место. Старый тоже отошел подальше и встал, опираясь на изогнутый посох. Его взгляд все еще был заинтересованным.

Я опустил взгляд. Меч убитого лежал под ногами. В сравнении с клинком в руках лысого это была так, зубочистка. Но, как говорится, лучше синица в руке... Меч десятника я даже приподнять не смогу.

А этот?

Я осторожно нагнулся, ухватился негнущимися пальцами за рукоять. Боясь выронить оружие, я все-таки выпрямился, и, наконец, посмотрел в глаза Торбуну.

Все, хватит время тянуть. Я уже умирал сегодня. Это не страшно, да еще и под конец какие-то голоса мерещиться начинают. Надеюсь, в следующем мире будут уже мои родные.

– Есть какие-то правила? – на всякий случай спросил я.

А то мало ли, не так двинешься, не туда посмотришь, и на меня бросятся блондин с брюнетом, чтобы нанести свой праведный удар во имя Неба.

– Какие, к собачьим нулям, правила? – прорычал Торбун, вставая напротив.

– В поединке нету правых, есть только победитель, – сказал Старый.

Я осторожно переступил с ноги на ногу, пытаюсь понять, сколько у меня сил. Тело потряхивало, мне приходилось ловить равновесие. Меч оттягивал руку ощутимо, два-три раза подниму, и выдохнусь.

Последний раз махал пашкой только с сержантом. Он был заядлый казак, и все его солдаты были обязаны приобщиться к настоящему искусству. Поэтому мы иногда часами скакали, размахивая клинками и разучивая красивые движения.

По счастью, меч в руке был настоящим – толстый и надежный клинок, баланс чувствовался идеально. Не китайская фольга, и не японская зубочистка – ими только кровь пускать. А этим можно и череп пробить.

Я с сомнением глянул на Торбуна. Громила под два метра ростом, и мой же рост у него в плечах. Для него меч в моих руках – зубочистка. Тут не то, что череп, мне бы ему мизинец перерубить.

– Дерьмо нулячье, ты решил Небо испытать? – в ярости заорал лысый, кажется, терпение у него лопнуло.

«Начинает тот, кто бросил вызов».

Я бросил взгляд вверх, на небо. Что так все его боятся? Впрочем, я еще полчаса назад не поверил бы, что буду стоять в каком-то «нулевом мире» с клинком против двухметрового головореза. Так что, если тут неба боятся, на то есть причины.

Чуть согнув локти и отведя руку с мечом назад, я сделал шаг в сторону. Легкий, скользкий шаг. Только в этом обессиленном и тощем теле я прошаркал, будто столетний дед, еще только клюки не хватает.

Нога зацепилась за землю, и я чуть не споткнулся. Воины в стороне заржали.

– Мастер, а если он сам убьется, это засчитается? – весело спросил Троргал.

– А что тут засчитывать, с него и духа-то никакого и не будет. Так, бзднёт малясь! – опираясь на копьё, пошутил Кроммал.

– Это что получается, – брюнет изобразил задумчивость, – Бздух?

И они заржали так, что даже слезы выступили.

– А ну, заткнулись оба! – рявкнул Торбун, поворачивая к ним голову.

Есть! Надо атаковать!

В этот самый момент я рванулся вперед, целясь клинком в горло противнику. Мышцы толчковой ноги напряглись, чуть не затрещав от напряжения, я бросил себя в атаку, рука с мечом полетела...

Тут ногу свело адской болью, и я, сделав непонятный кульбит, неловко споткнулся и грохнулся об землю со всего размаха, едва успев подставить руки. Утоптаный грунт со всей дури ударил по лицу гравием. Хорошо, хоть клинок не выронил, отбитые пальцы едва удержали.

По ушам ударил злорадный смех, и я поморщился.

«Ой, как все плохо!»

– Ну, просва драная, ты летать!

– Вот как есть нулячья мера!

Я поднял голову и, пожевав губами, сплюнул кровь с песком. Торбун стоял, не шелохнувшись, и недобро улыбался. Кончик его меча нервно подрагивал в метре от меня. Судя по глазам десятника, я его здорово разозлил своей никчемностью. И нянчиться со мной он смысла не видел.

– Теперь моя очередь, ноль, – холодно произнес он.

Глава 3. Поединок

Торбун начал движение, и я сразу подобрался, перекатился назад, едва не порезавшись о свой же клинок.

– Не бойся, вставай, – усмехнулся десятник.

В этот раз я рискнул и встал сразу, одним рывком. И чуть не завалился назад, пытаюсь сохранить равновесие. До меня стало доходить, что тут дело не только в пытках. Это тело само по себе было слабым.

Торбун медленным шагом обходил меня по кругу. Я повторял его движения, выставив меч перед собой, и, покачиваясь, шел в другую сторону.

Мелькнула трусливая мысль убежать. Я скосил глаза на блондина Кроммала. Его копье придаст мне отличное ускорение, если надумаю так сделать. Да и топоры тут метают неплохо.

– Ты, ноль, я не понимаю, зачем так злишь Небо? – десятник вздохнул, потер свою бороду, и погладил бритую голову, – Если такова твоя мера, то знай свое место.

Я крепче ухватил меч, чуть расставил ноги, и сощурил глаза. Стоило поразмыслить, почему меня тут с дерьмом смешивают. В моем мире тоже такое есть, но в цивилизованных странах за это давно бы в суд подали.

На миг представив всю эту троицу, с их топорами, копьями и мечами на скамье подсы-
димых, я улыбнулся. Мне чуть полегчало, первый шок проходил.

«В нулевом мире один суд – Небо».

Я скосил глаза вверх – ох уж это небо. Сзади постепенно стихали крики людей, резня, судя по-всему, заканчивалась, но небо не спешило наказывать Зеленых Скорпионов. Такой себе суд.

– Ноль! – Торбун поднял вытянутую руку с мечом, отвел в сторону, и приготовился прыг-
нуть ко мне.

Однозначно, я в этом мире человек не первого сорта. Эта мысль не давала покоя, и я спокойно ответил:

– Я ведь тоже человек...

Раздался вздох удивления, окруживший меня со всех сторон. Десятник только начал отталкиваться, как, чуть не споткнувшись, замер, пораженно уставившись на меня.

«Почему, Небо, я попала в этого идиота?»

– Что ты сказал? – неверным голосом прошептал Торбун.

Воины, стоявшие вокруг, и даже седой знахарь, приложили пальцы ко лбу, глянув на небо. Будто осенили себя охранным знаменем.

– Дерьмо нулячье, как ты посмел? – с ненавистью выдавил десятник, – Даже я, мастер зверь, третье жало, не позволяю себе такого...

– Я... что тут непонятного? – я даже возмутился.

Что это за мир, где себя даже человеком назвать-то нельзя? Зверями себя кличут, а людьми быть не хотят?

«Молчи, прошу тебя, молчи!»

Я тряхнул головой. Да что за тупость-то?

Медленно выдохнув, я снова сказал:

– Я че...

Рывок Торбуна я едва заметил. Вот он только что стоял, но взметнулась пыль из-под ног, и двухметровая махина за долю секунды оказывается рядом. Его клинок дугой летит в грудь. Я едва успеваю подставить меч и делаю рывок.

По мечу будто рельсой прилетело, и адская отдача разжала пальцы, но мне удалось бро-
сить мое тело назад. Клинок сложился как крапива, перерубленная палкой, а я падаю на землю,

пытаясь сгруппироваться. Две половинки меча улетели в разные стороны, чудом никого не задев.

Удар об землю выбил весь воздух из груди, но я по привычке, наработанной на службе, сразу кидаю колени на грудь и перекатываюсь назад. Вот только привычка в мозге, а не у тела.

Кувырок получился хреновым, меня завалило набок, да еще закружилась голова. Это чертов проповедник вообще зарядку-то хоть делал?

– Чушь нулячья, – лысый удивленно посмотрел на куски моего меча, а потом и на меня.

Судя по его взгляду, долбаный ноль не должен был уже существовать. Но нет, вот он, встает в паре шагов, и смотрит наглыми глазами.

Я беспомощно сжимал и разжимал безоружные пальцы. Блин, у Неба там нет, случаем, такого правила, чтобы дать мне новое оружие?

«Твой поединок, твои проблемы».

Ах, ты ж. Эта девка внутри меня уже начала раздражать.

Помнится, когда буйная молодость забросила по контракту в горячую точку на Востоке, у меня там и похуже ситуация была. Только там, если ты безоружный, это означает, что у тебя пушки нет. А у врагов есть.

Здесь все честно. Поединок в полный контакт, решают руки, навык и... сила.

Я со вздохом посмотрел на свои тощие руки, потом перевел взгляд на Торбуна. У него не руки. У него шпалы железнодорожные. И меч размером с... меня.

Как там у нас было на тренировках? Залом на локтевой – обхватываем руку противника, выбиваем оружие, давим снизу на локоть и ломаем резким рывком. Попробуй сломай такое бревно.

– Ты совсем меру потерял, ноль! – наконец сказал Торбун, оправившись от удивления, – Не понимаю, почему ты еще жив?

И это мы уже слышали. Я решил попробовать его разозлить, тогда будет шанс. Они же тут крутые звери все. Силой любят помериться. Как он, покажет слабинку перед подчиненными?

– А что, сможешь без меча-то? – я презрительно кивнул на его клинок, – Или ноля боишься в рукопашной, а?

Торбун опять округлил глаза. Он посмотрел на свой меч, приподняв его, потом скосил взгляд на своих воинов, глянул на Старого. Знахарь с загадочной улыбкой молча наблюдал за происходящим, даже не пытаясь вмешиваться.

– В священном поединке нет таких правил. Я лишил тебя меча, мне и решать.

– Так я и думал, – я презрительно сплюнул на землю, и тут вдруг меня осенило, – Зверье пустое!

Воины ахнули, а десятник чуть не задохнулся от возмущения. Видимо, я выругался правильно, и попал прямо в точку. Да чтобы какой-то ноль позволил себе такое?

«Это смертный приговор».

Усмехнувшись, я подумал, что вообще-то уже умер. И тут меня быть не должно. И все эти ваши Абсолюты с их сделками, с их тринадцатыми пусть идут в... это самое небо.

«Тринадцатый?!?»

Судя по ее голосу, удивилась она сильно.

Я принял стойку боксера, слегка подпрыгивая, и стал выписывать двочки. Ха, бой с тенью, левой в голову, апперкот! Руки прыгали и дергались, как у паралитика. Этот дрищ-святоша вообще ничем не занимался, только два пальца ко лбу и умел прикладывать. Долбанная просва!

«Тебя Небо, по сути, уже сжечь должно было!»

Словно в подтверждение слов моей спутницы, Торбун и воины несколько мгновений смотрели вверх. Но пауза затянулась, и десятнику надо было решать, как продолжить поеди-

нок и при этом не потерять лицо. Зарубит мечом и будет прав, его дело... Но лысый все же покосился на воинов.

А ведь осадок-то останется. И будут эти Кроммал с Троргалом в пивном кабаке, на пьяную голову, кому-нибудь затирать: «Ну, меча-то он так и не выпустил. Кто знает, на что этот ноль был способен, мало ли».

Торбуну этого было не надо.

Его клинок гулко упал на землю, будто рельсу уронили. Бритоголовый и бородатый великан, потирая руки, не спеша направился ко мне. Мы наверняка выглядели смешно – двухметровая шкафина и тощий дистрофик. Я успокаивал себя – зато дистрофик кулаками вовсю махал, вспоминал боксерскую секцию, которую так любил пропускать в юности.

В этот раз Торбун ничего не стал говорить, а сразу кинулся в атаку. Я быстро понял, что земной рукопашный бой ему не привычен, но ему это и не надо было. С его-то комплекцией.

Громадный кулак понесся в голову, я едва успел увернуться, вскинул ладонь, отбивая запястье, и наметил ответный удар.

Ничего не получилось, я даже не смог подвинуть его ударную руку, и кулак задел мне правое плечо. Я все же отпрыгнул, едва не вывихнув все тело, ноги заплелись, и я чуть не свалился. Но я устоял.

– Ого, – послышалось сзади, – Не может быть.

Плечо горело неимоверно, казалось, вслед за ним немело все тело. Я приложил ладонь, пытаюсь затереть и успокоить боль. Ну как есть, как будто шпалой с размаху долбанули. Я покрутил правой рукой, пытаюсь понять, могу ли еще на нее полагаться.

– Нулячья мера! – выдохнул Торбун.

Впрочем, в его взгляде, сквозь ненависть и ярость, я заметил искорки уважения. Будто я теперь не ноль, а ноль целых две десятых.

Второго шанса мне не дали. Боль уже затуманила мне реакцию, и я не заметил, как лысый оказался рядом. Я беспомощно выкинул руки, но он смахнул их одним ударом, подскочил вплотную, схватил сзади за шею и впечатал мне кулак в живот.

Даже пуля так больно не входила туда. Из меня просто всю жизнь выбили, и я выплюнул кровь, чувствуя, как хрустнули ребра. Сознание мигом подернулось искрами, накатила тьма. Я непроизвольно махнул рукой, и получилось только ласково шлепнуть десятника по щеке. Торбун рыкнул, клещи на шее оттянули меня назад, задирая голову, и кулак приготовился раздробить мне лицо.

Перед смертью мое внимание привлекло то одинокое облачко на небе. Оно прямо на глазах превратилось в причудливый крест, с круглой петлей вместо верхней половинки. Я встречал такие – в детстве, в компьютерных играх. Что-то с Египтом связанное, знак воскрешения, по-моему. Как же его там...

– А... анкх... – с хрипом вырвалось у меня.

Кулак остановился у самого лица, и Торбун непонимающе поднял голову.

– Не может быть, – донеслось сбоку.

Боль в животе и в плече охватили все тело, и я провалился в темноту, будто экран померк.

Я снова плыл. Тело покачивалось и тряслось, но я никак не мог осмотреться, глаза ничего не видели. Странно, в прошлый раз, когда я был в непонятном месте, я хоть что-то видел. Свет или тьму, я не помнил, а вот тут ничего не видел.

– Зачем он нам, Старый?

– Небо дало знак, Торбун. У Зеленых Скорпионов и так позиции ослабли, рисковать не стоит.

– Ты про Кабанных Клыков?

– Именно, Торбун. Сейчас неудачи нам не нужны. Клыки только и ждут нашей ошибки.

– А Ноль-то тут причем?

– Он дрался с оружием и без. Откуда у него сила тела?

– И это единственная причина? Да жить хотелось, а стихия духа, сам говорил, у него сильная.

– Я не вижу его. Надо показать учителю.

– Не видишь?

– Совсем.

– Вот же дерьмо нулячье!

– Да, надо спешить, пока учитель не получил последнее жало.

– Да, он совсем плох.

Я понял, что нигде не плыву, а покачиваюсь в повозке. Чувства постепенно возвращались, и это было совсем неприятно. Дорога была с ухабами, то и дело кренилась, а иногда вообще шла с таким уклоном, хоть держись непослушными руками за что придется. Больное тело реагировало на все одинаково – страданиями.

Где-то внутри меня плавала тошнота, и я с осторожностью следил за ней, стараясь, чтобы не слишком подкатывала к горлу. Удар в живот не прошел даром – там, кажется, даже ребра хрустели.

Чтобы отвлечься, я стал размышлять. Правда, мое состояние не давало собрать мысли в общую картину.

Зеленые Скорпионы, Кабаны Клыки. Я к индейцам попал, что ли? Надеюсь, меня не ждут тут Быстрые Олени? Вот только на индейцев эти воины не похожи. Скорее, средневековые какое-то, типа викинги там, или варвары какие.

Я выяснил, что я какой-то «ноль». Причем еще и «просветленный». И что, по меркам этого мира, я прямо-таки отброс какой-то.

Еще, у этих Скорпионов какие-то жала есть. Что это, ранг какой-то? Друг друга зверями называют. Блин, мне бы хоть путеводитель какой- дали. Ну, вводный инструктаж.

Какого тринадцатого я должен защитить? Да и кем защищать-то? Я дохляк еще тот, меня первый встречный, можно сказать, убил.

И посоветоваться не с кем. Хотя...

«Ты здесь?»

Тишина.

«Эй!»

Не отвечает. Где моя назойливая соседка по палате для сумасшедших? Судя по ее репликам, об этом мире она знает намного больше моего.

Надеюсь, ее не выбили из меня с ударом кулака. И на молчание есть причины. А, вполне возможно, ее не было, и это просто глюк из-за двухдневного висения на жаре.

– Очнулся, просветленный? – спросил Старый.

Я еще лежал немного, раздумывая, но потом решил, что скрывать пробуждение нет смысла. Тем более, мое положение у этих самых Скорпионов еще неясно. Может, этот учитель, к которому меня везут, сразу скажет – по башке, и в отвал. Нечего нулей драных ко мне водить.

– Да, – я открыл глаза.

Все еще день, и яркое солнце в зените.

Это была открытая повозка, с плетеным бортом, возле которого я и лежал. Рядом со мной навалены мешки, ящики, корзины, моя голова упиралась в плетеный короб. Где-то внизу, на дне телеги, угадывалась куча оружия, причем некоторое было еще в крови. Мечи, топоры, копья. Они тихо позвякивали на каждом ухабе.

Старый ехал рядом на низкорослой лошади, и пристально рассматривал меня. С другой стороны повозки я увидел идущего пешком Торбуна. Лысый мельком глянул на меня, пронзив презрением, и отвел взгляд.

За нами вдоль горы тянулась вереница таких же повозок, запряженных одной или двумя лошадьми. Я насчитал четыре повозки. Зеленые Скорпионы шли рядом с нагруженными телегами, держа наготове оружие, и постоянно оглядывались. Кажется, знахарь был единственным, кто ехал верхом.

Это была горная дорога, с одной стороны нависал склон высокой горы, с другой стороны дороги был пологий кювет, уходящий далеко вниз. Куда, я не видел из-за борта, а наклонять голову к нему я не рискнул. Меня мучило от каждого лишнего движения.

– Кто ты?

Я молчал. А что мне сказать? Что я... блин, а кто я. Я... я...

– Не знаю.

Я помнил, что я потерял семью. Перед этим я узнал, что ублюдок министр зачем-то инсценировал свою смерть, и моя карьера телохранителя рухнула. И даже банк, в котором была в кредите наша квартира, тоже рухнул. Резко вся жизнь в ноль.

Ноль. Я усмехнулся. А ведь имя свое я не помнил.

Про странную сделку с каким-то Абсолютом, как его назвала моя невидимая собеседница, я решил не говорить.

– Я не помню, кто я, – пояснил я в ответ на испытующий взгляд Старого.

– Такое бывает, – проворчал с другой стороны телеги Торбун, – Сколько ты там провисел, неизвестно, Ноль.

– Мне было бы интересно узнать, как ты достиг силы тела, – задумчиво сказал Старый.

– Силы чего?

Тряхнуло, и я скорчился от боли, и прижал ладонь ко рту. Чуть не стошнило.

Вообще, была довольно странной смена отношения ко мне. То все ненавидели прямо, а теперь... Ну, терпят, и ладно.

– Ты проповедник. Но управляешься с оружием. Оружие – это путь воина.

– Да, и что там такого. Взял меч, да вперед, – ляпнул я, особо не раздумывая, – Я жить хотел.

Лицо Старого вытянулось, и он нахмурил брови, будто удивился моим словам.

– Знаешь. Возможно, ты и прав. Это звучит настолько же просто, как и безумно. Как любая истина.

Торбун громко заржал, совершенно не стесняясь взглядов воинов у других телег. Всем было интересно, что же так развеселило десятника.

– Какая-же это истина-то, Старый? А? – утирая слезы, проворчал Торбун, – Что, получается, любой ноль или стихушник схватит топор, и сможет зверя завалить?

– Да нет, конечно, – улыбнулся Старый, – Но и этот ноль не должен был защищаться, ведь так, десятник?

Торбун только крикнул.

– Да ну, чушь нулячья.

Я молча их слушал, и Старый заметил мой взгляд. Видимо, у меня в глазах было написано, что я ничего не понимаю, и он сказал.

– Видимо, совсем тебе память старый скорпион выбил.

Я пожал плечами и сморщился от боли. Тело и так было недовольно, что мы трясемся, а тут еще и собственные движения.

– Почему я ноль? – наконец спросил я.

Торбун снова заржал, да так, что непроизвольно заулыбались воины, шедшие у задних телег. Судя по их взглядам, им жуть как хотелось узнать причину такого веселья. Я узнал в одном из них того блондина, Кроммала.

– Старый, а, Старый? – весело крикнул десятник.

– Чего тебе? – недовольно буркнул знахарь, не видя причин для веселья.

– Почему я зверь? – спросил Торбун, и снова засмеялся, поглаживая лысину.

Я понял, что мой вопрос в это мире прозвучал слишком глупо. Это как у нас бы в мире ребенок спросил – почему я ребенок?

– Совсем памяти нет, – сказал я, улыбнувшись.

– Да, Ноль, память у тебя отшибло здорово, – холодно произнес Торбун, перестав улыбаться, – Иначе бы ты так просто со зверями не разговаривал.

Старый кивнул, глядя на меня:

– Да, тут десятник прав.

Я поджал губы. Мне только что указали на мое место, типа?

Но знахарь вдруг сказал:

– Небо дает меру, у каждого она своя. Нулевая, потом первая...

Я, вздохнув, посмотрел на небо. Тут все на нем помешаны, но надо подстраиваться.

Высоко, мелькнув в свете яркого солнца, пролетели три силуэта и унеслись далеко за горизонт. Длинные крылья, продолговатый корпус. Да это самолеты! Вот это скорость. Значит, тут есть технологии?

Я пытался подумать, почему самолеты не оставили белого следа, но меня отвлек голос десятника.

– Вторую меру забыл, Старый! – рявкнул Торбун, и довольно добавил, ударив себя по груди, – Звери.

– Это и ребенок знает, Торбун.

Я слушал молча, пытаюсь усвоить. Информации мало, но по интонации я понял, что первая мера – это тоже шлак. Нулевая-то понятно, я на себе прочувствовал. А вот эти все вокруг, насколько я понял, вторая мера.

Что это? Ранги? Чины? Звания? На ум пришли касты в Индии, помнится, даже в наше время там с этим проблемы. Здесь же особо над этим не задумывались.

Оно и понятно. Если ты зверь, то не тебе беспокоиться, что какие-то там первая и нулевая меры притесняются. Надо к вам сюда наших борцов за свободы заслать. Мигом тут разберутся, кто звери, а кто нет.

– ЩИТЫ!!! – вдруг заорал Торбун, и телегу тряхнуло, лошади встали как вкопанные.

Десятник оттолкнулся от борта и побежал куда-то вперед. Старый пригнулся, глядя вслед Торбуну, поднял перед собой посох, и выругался:

– Сраные Клыки! Зверье пустое!

У меня о знахаре сложилось другое впечатление, и услышать от него ругательство означало одно. Впереди какие-то серьезные проблемы.

Воины выхватили из телег щиты, вооружились копьями, и часть из них пронеслась вперед, мимо нашей повозки. Один из воинов чуть сбавил ход, я узнал в нем Кроммала. Пробегая мимо, он глянул на меня и крикнул, ухмыльнувшись:

– Смотри, Ноль, не сдохни.

Глава 4. И снова смерть

Когда через несколько секунд раздались звуки битвы, я примерно понял, что произошло. Звон клинков, крики воинов – на нас явно напали.

Радовало, что меня окружали крепкие ребята – я до сих пор поражался комплекции Зеленых Скорпионов. Древние викинги и то, наверное, ребяташками покажутся. Каким надо быть идиотом, чтобы напасть на таких монстров?

Я взглянул на Старого. Лошадь под ним нервно танцевала, а знахарь, подняв посох, что-то шептал. Его губы двигались, но слов не было слышно, зато вскоре от посоха стало разноситься едва видимое свечение. В солнечном свете и не разглядишь.

– Нулячья мера-а-а! – Старый испуганно дернулся.

Через миг в голову лошади воткнулась тяжеленная стрела, с легкостью пробив лобную кость. Конь даже не успел заржать, а сразу, издав слабый хрип, завалился в сторону повозки. Старый, поразительно ловко перескочив ко мне в телегу, перекатился по мешкам, и, вскочив на карачки, сплюнул:

– Оружие трусов!

Он так и пригнулся, но посох держал высоко, продолжая что-то шептать. С намерения, напоминающего жало, снова сорвалось зеленоватое свечение, будто светодиод пытался пробиться через дерево.

Я попытался перевернуться, неловко работая локтями, ведь битва проходила за моей спиной, и короб не давал ничего увидеть. Все тело отдалось болью. Мимо просвистели еще стрелы, и знахарь, выругавшись, прижался к мешкам. Гулко стукнуло, и прямо у меня перед глазами из короба появился наконечник.

– Куда смотрят Волки? – спросил Старый у меня, пораженно качая головой.

Я понял, что он и не требовал от меня ответа, и снова попытался принять новое положение, чтобы выглянуть из-за короба. Но в следующий миг произошло то, что окончательно сломало все мои представления об этом мире.

Старый приподнялся, уперев руку в ящик, и вытянул посох вперед, в сторону противников. С губ сорвалось еле слышное:

– Фламма...

Я зажмурился, до того яркий неоновый свет хлопнул на конце посоха. Миг – и зеленая вспышка сорвалась и улетела. Перед глазами поплыли круги, меня немного ослепило.

Судя по грохоту и новым крикам, знахарь своего добился. И, как тогда с Кроммалом, в горящей деревне, в грудь знахарю прилетел прозрачный светлячок. Я понял, что над этим надо подумать, но в следующий миг мимо просвистела целая стая стрел, и одна все-таки влетела Старому в плечо, пробив его насквозь.

– А-а-аргх, – он завалился, выронив посох.

Гнутая палка отскочила от ящика и вылетела из телеги, но я – и откуда только силы взялись? – извернулся, чуть не нырнув наружу, и перехватил ее на излете. Я повис не плетеном борте, мучаясь от боли, и меня вдруг стошнило.

Ого, какая долина внизу. Зеленый лес и луга, большое небесно синее озеро, в котором отражались облака. Ну и красота! Так бы и любовался, если бы рядом не летала смерть.

Стало легче, и я подтянул себя обратно. Едва я плюхнулся на мешки, мимо просвистели еще стрелы.

Старый хрипел, пытаясь что-то сделать со стрелой. Пернатый снаряд имел довольно толстое древко, не меньше пальца толщиной. Из какого лука можно стрелять этим? Она вошла довольно низко, между плечом и грудью. Я бросил посох знахарю на ноги и подскочил к стреле. Обхватил, попытался выдернуть.

– Нулячья твоя мера, – захрипел Старый, – Ее нельзя выдрать.

Я что-то вспомнил, какую-то мешанину из фильмов и тренировок, и попытался обломать стрелу. Какое там! Мое сегодняшнее тело ее и об коленку не сломает, скорее, наоборот, у меня нога сломается.

– Идиот! – Старый шипел от боли, пытался что-то сделать, на его руке намечалось свечение, но тут же тухло, – Зверье пустое! Заговоренная...

Мой глаз зацепился за блеск клинков на дне телеги. Потолкав мешки, я отбросил самый легкий. Нашел боевой нож и сразу подскочил к знахарю.

Уцепившись за пернатый конец стрелы, я замахнулся ножом. Старый округлил глаза:

– Тварь пустая, как ты смеешь! – его рука дернулась, но тут же он скривился от боли, и бессильно завалился. Стрела явно его ослабляла.

Я рубанул ножом наискосок по древку, сам едва не упав от боли. Мои силы тоже были на исходе. Старый тряхнулся, скорчившись от боли, я выждал секунду, и рубанул еще.

Есть. Древко поддалось в моей руке, и я рывком наклонил его, переламывая. Добив ножом последние щепки, я положил нож и откинул отрубленную палку.

Не жалея руки, я ладонью хлопнул по торчащему обрубку, загоняя его внутрь, и крикнул:

– Подними плечо!

Старый, затуманенным взглядом наблюдавший за мной, захрипел, пытаясь извернуться. Я просунул руку, нащупал зазубренный наконечник, и, раскрыв ладонь, крепко обхватил его. Я будто лед в руку взял, пальцы заledenели, как при морозе. Что за технология такая?

Я уже чувствовал, что сил у меня оставалось совсем немного, поэтому стал считать:

– Держись. Раз, два...

– Дранный ноль!

– ТРИ!

Я рванул, и обломок стрелы удивительно легко вышел. Меня зашатало, и я рухнул на мешки рядом со знахарем. Плавая на грани обморока, я снова нащупал нож, и потянулся лезвием к зеленой тунике Старого.

– Ты что, нулячья мера, творишь? – голос знахаря, кажется, заметно окреп.

– Так перевязать же, – уже без сил прошептал я.

Меня грубо оттолкнули, Старый приложил ладонь к ране, раздалось шипение. Я почувствовал запах горелой плоти.

Ко мне уже подкатывала темнота, и я откинул голову, приготовившись в который раз умереть. Ну, родные, я иду к вам.

Грубо хлопнула по груди ладонь, выбивая из меня воздух, я согнулся и закашлялся.

– Крумб салюс! – рыкнул Старый, и в меня будто кувалдой вбили силу.

Именно так. Меня кувыркнуло по мешкам, и я чуть не перевалился за борт, врезавшись в него спиной. Старый дернулся было подхватить, но мои руки успели ухватиться за плетеный край. Я затряс головой, как после холодного душа и банки энергетика. И куда только усталость ушла? Даже раны больше не саднили, тошнота исчезла.

– Какой же ты дохляк! – брезгливо бросил Старый, поморщившись.

Он уже не выглядел бледным и умирающим, а рана на плече блестела запекшейся коркой. Знахарь подскочил на четвереньки, вытянул посох куда-то вверх и вперед, и снова крикнул, но уже во все горло:

– Фламма!

Я опять зажмурился, аж слезы выступили, перед глазами поплыли круги. Блин, предупредить надо. Я бы маску сварочную одел.

Снова грохнуло, в этот раз ощутимо, даже телегу тряхнуло. Послышался рокот катящихся по склону камней, все завибрировало. Новые крики людей, на этот раз к ним добавились победные кличи.

– Скорпионы!!!

– Жало вверх, жало вверх!

Охнул рядом Старый, даже как-то сладко слишком. Наверное, в него прилетел целый веер этих светлячков. Они тут души собирают, что ли?

Разлепив веки, я подслеповато шарил впереди руками. Так-то у меня силы тоже есть, я могу сражаться. Вот только бы разглядеть хоть что-нибудь. Я откинулся от борта вперед, встал на четвереньки. Руки нащупали тот самый нож.

О, да! Кто подбежит к телеге, получит нож в горло. С ним я обращаюсь намного лучше, чем с мечом.

Я привстал на колени, пытаюсь разглядеть сквозь круги в глазах, что же там впереди происходит. Я вообще всю драку проглядел, а там наверняка было, на что смо...

Мимо свистнули стрелы.

– Мозги твои нулячи! – крикнул Старый.

Но меня уже пронзила в грудь сама смерть, с силой подняла в воздух и унесла далеко назад, чтобы со всего размаху долбануть об щебень на дороге. Дальше картинку выключили...

«Ты здесь?»

Я не знал, где это «здесь», но я все же кивнул. Чем я кивнул, я тоже не знал. Тела снова не было.

«Я для чего тебе жизнь спасла? Чтобы тебя опять убили?»

Я немного удивился. И когда это она спасла мне жизнь?

«Знак Жизни на небе».

«Так это твоих рук дело? Ты тоже, как этот Старый, волшебница?»

«Нет, столько сил у меня уже нет. Я и так отключилась, изменив облако».

«А, так вот ты куда пропала. А сейчас ты очнулась?»

«Я да. А ты нет. Это знахарь чуть тебя не убил, Ноль, когда решил подлечить. Он выбрал самое слабое заклинание, и то чуть жизнь не выбил. К счастью, я забрала основной заряд».

«Спасибо».

«А какой смысл? Ты умираешь».

«Опять, что ли?»

«А ты шутник!»

«И что мне делать?»

«Я отдам тебе ту силу, что вдохнул знахарь. И отключусь, возможно, надолго. Дальше сам».

«Постой, а ты кто вообще?»

«Постарайся больше не умирать!»

Я открыл глаза. Хотел застонать, но сдержался.

Если до этого болело все тело, то теперь все отошло на задний план, в сравнении с тем, что творилось в моей груди. Уже изрядно надоело просыпаться в муках.

Я скосил глаза, кривясь от резкой боли. Грудь была перевязана чистой ветошью, пахло чем-то резким. Наверняка лечебная мазь, на каких-нибудь травах – запах был отчасти знакомым. На ногах надеты какие-то штаны, перевязанные на поясе веревкой. Это уже не моя рванина.

Глаза сделали круг, осматривая простое деревянное помещение, и голова закружилась. Досчатый потолок, бревенчатые стены. Небольшое окно под потолком, в которое все еще, к счастью, пробивался свет. Значит, я, как минимум, провалялся пару-тройку часов.

Судя по высоте потолка, лежал я на полу. Можно попытаться повернуть голову, но даже шея, казалось, была готова стрелнуть. Ну, как старый дед, ей богу! Почему все тело занемело?

Я попытался поднять голову. И откинулся назад, охнув от боли. В глазах поплыло. В районе груди сразу заболело, я почувствовал там влагу.

– Нулячья твоя мера! – заохал кто-то рядом.

Женщина, вероятно, даже старушка. И где-то я оказался прав.

Ко мне подсела, подобрав под себя ноги, женщина. Вся седая, но красивое лицо было без морщинок. И не скажешь сразу, сорок ей или шестьдесят. Одета в простое длинное платье серого цвета, но с узором, вышитым крупными зелеными нитками. Вышивка изображала скорпионов в причудливых танцах. У всех были жала вверх.

Платье хорошо лежало на фигуре, я оценил ее по достоинству, и даже слегка устыдился своих мыслей. Хорошо хоть, моя невидимая соседка в отключке.

– Желаеть женщину, это хорошо! – сказала седая, – Жить будешь.

Она властным движением прижала мою голову к подушке. Подняла вторую ладонь над моей грудью, развернула, а потом чертыхнулась и сжала кулак:

– Зверье пустое!

Я попытался скосить глаза, повернуть голову, чтобы рассмотреть. Но она все равно не убирала руку с моего лба, а силы ей было не занимать.

– Я и забыла, что в тебе жизней с ноготок, – она вздохнула, – Я так одного ноля убила разок. Стихушнику, и то, хватает с головой.

Она покачала головой и убрала руку. Встала, отошла куда-то назад.

– Придется тебе самому карабкаться, – послышался ее голос, – И дай Небо, выживешь.

Я крикнул. Разлепил губы, попытался сказать, но понял, что это довольно трудно. Только смог издать какие-то нечленораздельные звуки.

– Д.. л...

Она вернулась к моему лежаку, с тазиком, чистыми тряпками. Поставила рядом на пол. И принялась разматывать мою повязку на груди, довольно легко поднимая мое туловище над полом. Откуда столько сил?

Перед глазами поплыло, от боли я снова оказался на грани обморока.

Грязные кровавые повязки улетели в сторону. Она смакнула тряпицу, промыла рану. Я хотел посмотреть, но сильные пальцы грубо толкнули голову на лежак.

Когда, наконец, мои мучения были закончены, я с удивлением обнаружил, что еще жив, и даже в сознании.

– С... п... си... – просипел я.

– Благодари Небо, – хмуро ответила женщина, – И Старого. Ты спас ему жизнь, а этих идиотов никого рядом не оказалось. Не вытащил бы стрелу, и не было бы у нас Старого.

Я улыбнулся и сделал ошибку. Ну, то есть, я просто в ответ еще и небрежно махнул рукой, типа, «делов-то»! Это было последней каплей и картинку снова выключили.

Снова очнулся я уже ночью. Никого рядом не было, в окошко светила полная луна.

Я пошевелил рукой. Сразу понял, по искоркам в мышцах и коже, что лежал я долго. Очень долго. Я стал двигать конечностями, все тело наполнила тупая боль, разгоняющая онемение.

– О-ох, – вырвалось у меня.

Я подтянул руку к груди. Нажал. Больно. Но не так, как при смертельной ране, а просто больно. А смертельных ран в моей жизни парочка была.

Попробовав двинуть туловище набок, я приподнялся на локте. Как ни странно, получилось, хотя боль оставалась. Эх, мне бы лежать, не двигаться. Вот только я не знал сроки, за

которые должен довершить мою сделку с Абсолютом. Я тут валяюсь, а время-то тикает. Одно радует – моя душа при мне.

Да, я лежал на полу. Я помял пальцами лежак. Под мешковиной угадывалась солома.

Подтянув ноги, я сел и огляделся. У изголовья стоял стол, сундук. Сверху полки с какими-то баночками, мешками. Всего не разглядеть в лунном свете.

Так. В последний раз, чтобы встать, мне понадобилось много сил. Как будет сейчас. Я послушал свои ноги. Вставать они явно не хотели, и приглашали повалиться на лежаке.

Этот просветленный дохляк, как я понял, никакой физухой себя не утруждал. Просва сраная!

Я посмаковал это ругательство. А оно мне нравилось. То, что так называли этих самых Просветленных, к которым относился мой проповедник, я догадался давно. В принципе, при таком отношении к своему телу, они заслуживали этого.

Но встать надо. Во-первых, на столе я увидел кувшин, а пить мне очень хотелось. Едва я подумал о воде, как жажда заскребла и плюнула каленым железом в горло.

Нет. Встаем потихоньку. Я перекатился на колени, оперся ладонями. Руки тряслись, я опустил на локти. Охренеть, какое нафиг защитить «тринадцатого»? Я один день в этом мире, и почти все время на четвереньках.

Могли бы меня забросить в чувака типа того же Торбуна. Вот это силища! Там не тринадцатого защищать, там можно самому пойти и зачистить место дислокации противника. Помножить их на ноль.

Ноль! Вставай, ноль сраный!

Я вздохнул, снова распрямил руки. Трясутся. В груди больно. Но влаги нет, рана затянулась. Разве это возможно за один день? Насколько я понял, меня же стрелой пробило.

Так, ладно, ползем к... Если я сейчас опрокину на себя стол, будет стыдно перед хозяевами. А они и так нолей не жалуют.

Я пополз к бревенчатой стене. Выпуклый рельеф показался мне вполне пригодным для того, чтобы немощный дрищ попробовал с его помощью встать.

Пять попыток! Я сделал пять попыток, прежде чем коленки перестали складываться и ронять меня на пол. Итог – разбитая губа, ушибленный локоть, и я, гордо стоящий на трясущихся босых ногах. Правда, опираясь руками о стену.

«Да, сержант бы тебе сейчас отвесил с сотню отжиманий», – подумал я, усмехнувшись.

Этого вояку, на тренировках всегда косившего под крутого американского майора, я помнил хорошо. Он так вдолбил в мое тело науку выживания, что я даже здесь ее помнил. В новом теле.

Еще минут десять мне понадобилось, чтобы добраться до стола. По стене, мимо закрытой двери. Издевательство какое-то, они не могли поставить воду возле лежака? Рядом с кувшином стояла глиняная кружка, я уперся руками в стол, покидая безопасную стену.

Кружка была полной, и я, наплевав на осторожность, вылил в себя все. В этот раз я не сдерживался, пил, пил, и пил. В кружке была вода, но с какими-то травами.

Допив, я с сомнением глянул на кувшин. Поднять не смогу, разобью.

Ну ладно, жажда еще мучает, но терпимо. Я покосился на дверь. Где я? Я так подозреваю, в гостях у Зеленых Скорпионов. Ну, что ж, за просмотр денег не берут, ведь так?

Я поставил ногу на высокий порог, положил руку на ручку. Это была просто железная дуга, прибитая к дереву, никаких механизмов – дверь, как в деревенской бане. Я толкнул. Охнул от боли в плече, в груди, в спине. Плечо мне отбил Торбун, грудь пробило стрелой, а спиной я прилетел с телеги на дорогу. Осталось об дверь разбиться...

Я примерился другим плечом. Надеюсь, дверь с той стороны не заперта. И не двигается, потому что плотно прижата к косяку. Сейчас либо открою, либо найдут меня утром без сознания.

Удар! И пьянящий, свежий ветер в лицо. Ой, я и не представлял, как тепло и душно было в помещении. Тело сразу покрылось мурашками, и я перевалился через косяк, не успев отпустить ручку. Но нет, успел подставить ногу, устоял.

Дверь скрипнула и затихла, и меня окружила ночная тишина. Только насекомые сверчали где-то в траве.

Вокруг, под светом полной луны стояли бревенчатые дома. Крыши на них в основном были из соломы, но некоторые были покрыты будто черепицей. Дома окружали большой двор, в центре которого угадывались какие-то конструкции. В свете луны они выглядели жутковато, будто какой-то плотник пытался собрать всяких буратин, но понатыкал руки и ноги куда попало.

Эти причудливые раскоряки стояли вокруг широкой утоптанной площадки, напоминающей танцпол. С первого взгляда мне даже показалось, будто это обычный двор с детской площадкой в старом жилом районе Москвы.

Внимание привлекло движение на небе. На фоне огромной луны пронеслась тень самолета. Бесшумный, блин, хотя кажется, совсем близко был. Значит, мне тогда не показалось, и тут все же есть технологии.

Лунный круг быстро пересекли еще две такие же тени и унеслись за первой.

– Выжил все-таки, Ноль?

Я вздрогнул, до того громким среди ночной тишины показался голос.

Старый, изображая старческую походку, прошаркал ко мне из-за той бревенчатой постройки, в которой я обитал. Я-то видел, на что он был способен.

Я попытался ответить, и хорошо, что все-таки смочил горло.

– Д-да...

– Ох, зверье пустое! Полторы недели на краю смерти, и выжил. Если бы такое сказали про зверя, я бы не удивился.

Глава 5. Бьет значит видит

Я ахнул.

– Как полторы недели?

Мне стало не по себе, и я с беспокойством осмотрел себя в лунном свете. Ну, как был дрищом, так и остался, но фатальной дистрофии я не наблюдал.

– Кормили тебя, Ноль.

Я поднял голову и посмотрел на знахаря. Что ему надо от меня? Почему, несмотря на то, что я в этом мире типа отброса, Зеленые Скорпионы помогли мне?

– Жизнь мне спас, вот я и отплатил.

Я нахмурил брови.

– Ты мысли читаешь?

– Когда обращаешься к зверю, Ноль, говори господин зверь или мастер зверь. Если знаешь полную меру, обращаешься по мере.

– Мера?

Знахарь обошел меня, опираясь на свой посох, на него упал свет из открытой двери. Одет в зеленую тунику, под ней какая-то серая хламида до самого пола. Кольчуги видно не было.

– Ты задаешь странные вопросы, Просветленный.

Я ухмыльнулся. А не странно, что они так носятся со мной, хотя я полный ноль?

– Память, думаю, отбило там... – я махнул рукой куда-то за спину. Где именно та деревня, в которой я висел на столбе, я не знал.

– Господин четвертое жало, – требовательно добавил Старый.

– Ну, а ко мне как надо обращаться? Господин Ноль? – съязвил я.

Выросший на родной свободной Земле, я не мог вот так вот выдавить из себя «господин». Естественно, у нас там было полно своего неравенства, и часто людей, не заслуживавших этого, я должен был называть по званию или по имени-отчеству.

К людям же, которых я действительно уважал, мне самому хотелось относиться с уважением. А, быть может, оно и лучше, что здесь безо всякого лицемерия тебе указывали твое место. Впрочем, Старому я симпатизировал, но мой язык жил своей жизнью.

– Ты дерзкий, Ноль, – Старый покачал головой, – В нашем мире тебе долго не выжить.

– Ну, я уж постараюсь, – твердо сказал я.

– Значит, все же не из нашего мира? – с хитрым прищуром спросил знахарь.

Я поджал губы. Чуть не развел меня, я хожу по краю бритвы. Что им тут небо говорит про пришельцев? Привязать к столбу и оставить умирать?

– Что такое мера, мастер четвертое жало? – наконец спросил я.

Старый улыбнулся, снова обошел меня, разглядывая, потом ткнул посохом в сторону площадки, окруженной странными конструкциями, и двинулся туда.

Я пошел за ним следом, чувствуя, что этому человеку я доверяю. Как говорила моя невидимая соседка в голове, Зеленые Скорпионы немногие, кто сохранил понятие о чести, и этот знахарь это доказывал.

Мы прошли в центр двора, и я, наконец, разглядел, что площадку окружали тренировочные конструкции. Я вспомнил многочисленные китайские боевики – примерно на таких отрабатывали удары ученики, постигающие боевые искусства.

Правда, тут были механизмы посложнее и намного крупнее, и, судя по измочаленным бревнам, работали тут не только руками.

Старый остановился в центре утоптанной площадки, повернулся и посмотрел на небо. Свет луны серебрился в его бороде и сверкал на серебряном обруче.

– Я не знаю, кто ты. Не вижу тебя.

Я усмехнулся.

– Вот он я.

Знахарь покачал головой. Потом обвел все вокруг посохом:

– Это Инфериор, нижний мир Регнума.

Я оглянулся. Деревня мирно спала в свете луны, где-то далеко возвышались тени величавых гор. Красота.

– Я так понял, тут живут Зеленые Скорпионы...

Мне по голове вдруг прилетело посохом, и тишину разрезал пустой звук.

– Ау! – я схватился за макушку, растирая место удара.

– Ведро нулячь! Эта деревня – просто дом Зеленых Скорпионов. Я тебе про мир говорю.

– Да понял я...

Старый нахмурил брови, выжидательно посмотрев на меня.

– ...мастер четвертое жало, – скривившись, добавил я.

– Так-то лучше, дольше проживешь, – снисходительно улыбнулся Старый.

Он обошел площадку кругом по краю, сложив руки с посохом сзади спины. Посох задевал деревянные стойки, оглашая стуком округу, но знахаря это, кажется, не беспокоило.

У нас бы в Москве уже в полицию звонили, или раздались бы крики...

– Старый! – донеслось из какого-то дома, – Потише нельзя?

Знахарь оглянулся, виновато почесал затылок, потом снова прошел в центр площадки.

Посмотрел вверх.

– Небо возносится над каждым из нас, – начал он.

– Все мы равны перед небом, – задумчиво перефразировал я известную на земле фразу.

Ко мне метнулся посох, и я все же успел отскочить, отмахнувшись рукой, но деревяшка больно задела мизинец. Я замычал и приложил палец к губам, высасывая боль. Да, с насилием в этом мире проблемы.

– За такую ересь вы, просва, и гоняетесь по всему Регнуму, – недовольно сказал Старый и приложил ко лбу два пальца, глядя на небо.

– А разве не так?

– Небо каждому определяет свою меру, – твердо сказал знахарь, – Ты – нулевая мера, следом стихушники – первая мера. И мы – звери...

– Вторая мера.

– Да, вторая.

Я покачал головой. Мне такая правда совсем не нравилась. Это жестоко, очень жестоко. Совсем как у нас в древности, деление на сословия. Мы же ушли от этого давно.

– Ну, а если я вот захочу, и скажу, что я вторая мера. Соберу таких, как я, возьмем оружие...

У Старого подлетели брови, и он едва сдержался, чтобы не засмеяться.

– Нули с оружием? Ты, кажется, путаешь положение в обществе, и меру.

Я почесал затылок. А что, разве я неправильно думаю. Какие-то люди кличут себя зверями, объявили себя привилегированным обществом. Тыкнули в других и сказали: «Вы – нули!»

– А разве не так? Кхм... мастер зверь.

– Не так. Ноль ничем не обладает. Только зачатки стихии духа, но она пропитывает весь Регнум.

– А звери?

– А ты не заметил? – он усмехнулся, – Ты не заметил разницу между тобой и Торбуном?

– Ну, зарядку он точно делает.

– Он уже на третьей ступени второй меры. Мастер третье жало. А на пути воина он скоро овладеет силой тела.

Я слушал, но понял, что ничего не понял. Мера. Ступень. Жало. Я только догадался, что третья ступень и третье жало – одно и то же. Это когда на лекции кажется, что все усвоил, и тут лектор тебе – БАЦ! – еще и «путь воина с силой тела».

Учить надо было вчера, а сдавать уже сегодня...

– Сложно все... – задумчиво сказал я, – Так зачем тебе я, мастер зверь? Нулевая мера, я так понял.

– Да. Я не знаю, честно. Я тебя не вижу, и еще этот знак Жизни на небе. Ты ведешь себя не как ноль, и спас мне жизнь. Кстати, спасибо, – Старый приложил руку к груди.

– Ну, ты тоже спас меня, – я пожал плечами, – Два раза. Когда одобрил поединок, и вот это... – я тронул пальцем перебинтованную грудь.

– Мастер зверь, – напомнил мне знахарь.

– Мастер зверь.

– Так почему я не вижу тебя, Ноль?

Я вздохнул. Что ему от меня надо?

– Вижу, не понимаешь. Я – ясновидящий, это мой дар на личном пути мага.

– Ага, – только и сказал я. Сил удивляться уже не было, и я только кивал. Предположим, что все это правда.

– В каждом жителе видно его меру. Я вижу в Торбуне его третье жало, в Кроммале второе жало. В моем учителе пятое жало. Я даже вижу личный путь, и у тебя откуда-то его зачатки.

– Та-а-ак, – протянул я, – Личный путь...

– Потом, – отмахнулся Старый, – Так вот, закрыться от меня может только более сильный. Шестое жало, например. Или... – знахарь чуть понизил голос, – ...третья мера.

Тут у меня подпрыгнули брови. Сюрпризы еще не закончились. А в этом мире, получается, звери-то и сами не в лучшем положении. Значит, и над ними начальники есть.

– Так есть еще и третья мера? – взволнованно спросил я.

– Тише ты, – Старый замахнулся посохом, – Конечно, есть. Это человек.

Тут я не то, чтобы удивился. Названия сословий в этом Регнуме были чудными, оставалось только принять это. Я теперь просто понял, почему Торбун и остальные звери тогда так разозлились на меня. Им самим, кажется, до человека, как до луны, а тут какой-то ноль о себе заявил.

– Хорошо. А вот чело... – начал было я, но посох снова взметнулся вверх, и я замолчал.

– Здесь опасны такие разговоры, – предупредил Старый, – Потом.

Я поджал губы. Это, наверное, вообще самый важный вопрос, который я хотел задать. Мне, конечно, еще очень хотелось узнать, кто такие Абсолют и тринадцатый, но я решил с этим повременить. Лучше подожду, когда очнется моя спутница в голове. Надеюсь, она все же очнется.

– Что значит, ты не видишь меня, мастер четвертое жало? – наконец решил я хотя бы с чего-то начать разговор, – Как же вы поняли, что я ноль.

– Мере видят все, – словно ребенку, сказал седой, – Все знают, что, начиная с первой, в каждой мере есть семь ступеней. Все чувствуют, когда кто-то сильнее. Но даже у нулей разная сила духа, и об этом мало кто знает.

Я устало потер лоб. Много, очень много информации.

– Ты достаточно окреп, чтобы биться? – вдруг спросил Старый.

– Что? – беспомощно спросил я, – Биться – в смысле, драться?

– Да, – знахарь прошел на другую сторону площадки и аккуратно отставил посох к одной из тренировочных стоек, – В бою постигается истинная сила противника, это закон Неба.

Вот нейдет этому старику. На дворе ночь, спать надо.

– Я... не знаю, – сказал я, пытаясь двигать плечами.

Боли практически не было, только слабость, и неприятные тянущие ощущения в груди. Видимо, там все зажило, но новые ткани были непривычны к движениям. Так и порвать можно.

– Рана зажила, если ты об этом беспокоишься, – сказал Старый, – Выходи, Ноль. Мне нужно увидеть тебя.

Он стянул с себя тунику и серую хламиду, оставшись в одних штанах. Я не ожидал увидеть под одеждой крепко сбитое, подкачанное тело. Он не был таким огромным и внушительным, как Торбун и его воины. Скорее, Старый был жилистым, как породистая гончая собака.

Я понял, что он вполне серьезно вызывает меня на поединок, и сказал:

– Да, мастер зверь.

Я вышел на арену. Встал напротив седого и стал разминаться, будто заправский рукопашник. Покрутил ногами, уперев носки в пол, осторожно поднял и опустил руки. В принципе, за полторы недели все действительно будто зажило.

Даже ребра, как я боялся, не отдавали никакой боли. Я обхватил себя руками, чуть нажал. Нет, точно не сломаны. Я начал размахивать руками уже увереннее.

– Как бы не помять, – усмехнулся я, вставая в боксерскую боевую стойку.

– Дерзкий ноль, – Старый покачал головой.

И метнулся ко мне. Я едва успел поставить блок, но он уже поднырнул к моему животу и, подхватив под бедра, просто толкнул таранным ударом. Я не успел зацепиться за его спину и почувствовал, что лечу.

Удар! Я успел сгруппироваться, но все равно удар спиной о землю выбил воздух из легких, и я, мигом перекатившись на корточки, закашлялся.

Старый не дал мне передышки и снова прыгнул. Я перекатом ушел в сторону, попытался вскочить, но непривычное тело завалилось, и я запрыгал, пытаясь поймать равновесие.

Мигом прилетел удар кулаком в живот. Я едва успел повернуться, опустить локоть, но все равно получилось очень ощутимо. Все же мне удалось выкинуть другую руку, и я основанием ладони заехал Старому в ухо.

– А-а-а, – вырвалось у меня, когда я отпрыгнул, схватившись рукой за живот.

Знахарь стоял, даже не тронув ухо, куда я ударил. Он хоть почувствовал?

– Неплохо, – улыбнулся он.

– Моя очередь! – сказал я и метнулся вперед.

Я сделал небольшую раскачку вправо-влево, пытаясь обмануть, наметил удар снизу, и послал кулак ему в лицо. Старый небрежно шлепнул по обеим моим рукам, демонстрируя отличную реакцию, и резко приблизился, толкнув плечом в грудь.

– Х-ха! – с силой выдохнул Старый.

Вдобавок его лоб проехался по моей челюсти, я не успел толком отдернуть голову. Но я начал движение назад, и это оказалось моей ошибкой. Его толчок плечом добавил мне скорости, и мой дрищ-проповедник пролетел над ареной нехилые полтора метра.

Новый удар об землю, я перекатился, и влетел спиной в столб. Приложившись затылком о тренировочную стойку, я выругался. Неужели старик может так сильно толкнуть?

– Драная просва! – вырвалось у меня, а потом я закрыл рот ладонью. Сам же себя и обзываю.

Старый засмеялся, выпрямившись и сложив руки на груди.

– Кажется, ты уже начал понимать.

– А неплохо! – раздался третий голос.

Я повернул голову. Торбун-десятник в одних штанах стоял возле одной из стоек, прислонившись плечом, и посмеивался.

– Не зря я тебя пожалел тогда. Быть может, я впервые в жизни увижу, как ноль перескочит в первую меру, а, Старый?

– Бывало и такое, – кивнул знахарь, потом указал мне за спину, – Бери оружие.

У меня екнуло сердце. Ну, нафига оружие-то? Полторы недели меня выхаживать, и потом насадить на клинок ради того, чтобы что-то там увидеть во мне?

Я обернулся и облегченно выдохнул. За тренировочным столбом обнаружилась вертикальная стойка, и к ней были прислонены... деревянные мечи. Самых разных размеров, под любую руку.

Встав, я отряхнулся, потер затылок, и направился к стойке. Обилие разных плетеных рукоятей сначала обескуражило, но потом я все же нашел палку, которая мне подходила. Действительно, как меч. Длинная часть, уже изрядно побитая, изображает клинок, а короткая плетеная, с небольшой гардой – рукоять.

– Ха-ха-ха, – засмеялся Старый, – Торбун, любимый меч твоего сына.

Десятник что-то весело ему ответил, а я едва не залился краской. Надеюсь, сыну Торбуна лет двадцать.

Я повернулся. Десятник как раз в этот момент с другой стойки взял меч, чуть больше моего, и кинул его Старому. Знахарь ловко перехватил его и сделал пару круговых движений, держа двумя руками. Красиво, ну прямо самурай. А шашку казацкую ты видел, а?

И я выписал несколько красивых вензелей деревянным мечом, едва удерживая его пальцами. Я усмехнулся, вспомнив, что за такую фланкировку наш сержант нещадно бил по рукам, называя это дебилизмом. Но нам же было надо выпендриваться.

Впрочем, на Скорпионов это тоже не возымело должного впечатления.

– Что за идиотизм? – Торбун скривился, – Я б такого болвана мигом пришиб.

Старый усмехнулся, а я вышел на площадку и встал, держа меч нормальным хватом. Ладно, больше выпендриваться не буду.

Все закончилось буквально за секунду. Мы метнулись одновременно друг к другу, я рубанул мечом прямо в лоб Старому, но тот ушел вбок, прикрывая плечо клинком. Я посунулся вперед, мой клинок соскользнул вниз по его, а знахарь, продолжая круговое движение меча, рубанул мне по рукам, выбивая оружие.

– А-а-а!

Я заорал, а его деревянный клинок вдруг развернулся, и ощутимо проехался мне по горлу, оставляя занозы. Я отпрыгнул, захрипев, не зная, за что хвататься – болели и руки, и шея. Пришлось так и тереть горло больными запястьями.

Со злостью я следил за Старым, так и стоящим в центре арены. Ну, долго он еще будет меня «видеть»? Когда уже рассмотрит, что ему нужно?

– Странно, Торбун, – удивленно повернулся знахарь к десятнику.

– Что?

– У него будто есть сила тела, а силы оружия нет.

У десятника едва челюсть не отвалилась.

– А разве это возможно?

– Выходит, что так.

Сморщив нос, я растирал больные места, и слушал их болтовню. Что еще за сила тела? Это они рукопашку так называют, что ли? Ну, конечно, у нас по ней все время тренировки были. А еще с автоматом, со штык ножом...

С шашкой мы только от сержанта бегали. Ну, не видел я тогда смысла в этом оружии.

– Торбун, мы пройдемся к усыпальнице, – сказал вдруг Старый, кинув меч обратно десятнику.

Тот перехватил палку и, поставив ее аккуратно на стойку, спросил:

– Тебе нужна помощь?

Знахарь отмахнулся:

– Торбун, это же ноль!

Они вдвоем засмеялись, а я недовольно скривился. Трудно привыкнуть к новому положению.

Но Торбун, будто забыв про меня, спокойно пошел куда-то, а Старый, взяв свой посох, поманил за собой. Мы пошли мимо домов к краю деревни, и я невольно залюбовался окружающим ландшафтом. Горы отбрасывали причудливые тени в лунном свете, светились снежные шапки, а где-то, кажется, серебрилась река.

Снова мелькнули тени,двигающиеся с невероятной для птицы скоростью. Унеслись куда-то за горизонт.

– А что вы на самолетах не летаете, мастер зверь?

Старый удивленно обернулся:

– На чем?

– Ну, в небе все время у вас летают. Не знаю, как вы их называете, такие летательные аппараты, на которых люди летают.

Знахарь остановился, пораженно рассматривая меня. К моему удивлению, на кончике посоха засветился огонек, и Старый осветил им мое лицо.

– Люди не летают. Быть может, ты птиц видишь, Ноль?

– Ну, для птиц у них скорость просто невероятная. Я-то уж знаю толк в этом, у нас вэкаэсники рядом базировались. Каждый день летали.

– Не понимаю, о чем ты говоришь? Вэкаэсники?

– Будто я понимаю. Летают у вас тут, крылатые штуки. Длинные крылья...

Старый едва не схватился за сердце, еще более круглыми глазами рассматривая меня. Потом его обеспокоенный взгляд заерзал по небу.

– Не может быть, Ноль. Неужели ты видишь ангелов?

Глава 6. Ночь

Знахарь, едва сказал про ангелов, мигом закрыл себе рот ладонью. Я сразу понял, что эта тема тоже запретная, как и человек. Впрочем, что я хотел от средневековья? Время расцвета религий! Инквизиция, крестовые походы... Здесь наверняка тоже есть что-то подобное.

Я еще раз задумчиво глянул на небо. У нас на земле тоже есть места, где живут дикие племена, и в ус не дуют, даже не пытаются развиваться. А тут Зеленые Скорпионы, их соседи Кабаны, да весь этот Инфериор – вполне возможно, они так же зависли на своем уровне.

Но эти штуки на небе... Где-то тут живут высокотехнологичные чуваки, летают над дикими собратьями, и посмеиваются. А те, в свою очередь, видят их наверху и придумывают удобное объяснение чудесам.

Я усмехнулся, поняв, что мой мозг уже принял мысль, что я в другом мире.

– Ладно. Над этим стоит поразмыслить, – сказал Старый после затянувшейся паузы, погасил посох и отвернулся, – Пошли дальше.

Мы стали спускаться куда-то по пологому спуску. Склон порос мелкой травкой, и я даже боялся представить, какая красота тут днем. В нос ударили запахи каких-то цветов, а горный ветер пробирал до мурашек. Но пока было терпимо, да и впечатления нехило грели.

В свете луны я видел, что мы спускаемся в холмистую долину, где серебрилась длинная река. Горы окружали ее со всех сторон, и деревня Зеленых Скорпионов, кажется, примостилась с самого края, на одном из холмов.

– Это земли наших предков, – начал Старый, пока мы размеренно шагали, – В этой долине праотец, спасаясь от врагов, нашел свое спасение. Скорпион ужалил его, и праотец подумал, что умрет.

Я усмехнулся. Ну, я бы тоже так подумал. Тем более, с медициной тут шутки плохи.

– Но яд вдруг дал ему такую силу, что он один выстоял против войска врагов, – продолжал Старый, – Так праотец стал первым зверем.

Поджав губы, я подумал, что для продолжения рода, вообще-то, нужна еще и женщина. Кто же у них тут играет роль Евы? Огромная скорпионша? Впрочем, вера – дело шепетильное, и я побоялся задать такой вопрос. Убьют еще, а я и так уже два раза умирал.

Через несколько минут мы спустились с холма и свернули правее. Здесь уже была довольно утоптанная тропинка, даже посыпанная мелким гравием. Он захрустел под ногами, осыпая ночную тишину хрустом. Идти босыми ногами было довольно неприятно, я иногда жмурился от впивающихся камешков.

Впрочем, знахарь тоже шел босиком, беззаботно постукивая посохом, и даже виду не подавал, что ему неудобно. Через некоторое время ноги чуть попривыкли, болевой порог упал, и идти стало легче.

– Усыпальница, – сказал я, – Там захоронены предки?

– Кхм... – недовольно хмыкнул знахарь.

– Мастер зверь.

– Захоронены? – только после этого спросил Старый, – Что это значит?

– Ну, у нас... – тут я осекся. Вообще-то, пока что я еще не признавался, что я пришелец.

– Говори, не бойся, – сказал знахарь, – Тебе придется доверять нам.

Я молчал, раздумывая над его словами. В принципе, в этом мире первая моя встреча была с Зелеными Скорпионами. Первыми убить меня тоже хотели они, и спасли меня тоже они. Значит, сюда же напрашивается и первое доверие.

Тем более, не обязательно говорить всю правду.

– У нас тела умерших закапывают, – наконец сказал я, – А потом потомки ходят на могилу, чтобы почтить память предков.

Старый задумался.

– А что с телами происходит в вашем мире? – спросил он.

Я замялся. Это был не то, чтобы странный вопрос. Неудобный какой-то. Разлагаются, что еще происходит-то может?

– А у вас в Регнуме тела куда деваются? – в свою очередь спросил я, не спеша отвечать.

Старый снова выжидательно посмотрел на меня, и я со вздохом добавил, закатив глаза:

– Мастер зверь.

Знахарь улыбнулся, и продолжил разговор как ни в чем не бывало.

– Все-таки странный ты, Ноль. Тела умерших, если их не успеет забрать род, растворяет земля.

– В смысле растворяет?

– А что им еще делать? Круговорот в природе – земля дает тело, и после смерти оно возвращается в землю.

Я усмехнулся. Ну, если они так описывают разложение, то почему нет. Растворяются, так растворяются.

– Понятно, мастер зверь. А если успеет забрать род?

– Тело так и растворится, но дух отходит роду. В усыпальнице, куда мы идем, дух многих поколений Скорпионов.

Я кивнул. У каждой традиции свои объяснения. Впрочем, я сам видел, как Старый колдовал. Так что вполне может быть, в этом мире могут быть свои особенности.

Вскоре мы подошли к усыпальнице. То, что это она, я понял с первого взгляда. Приземистый каменный холм, и статуя скорпиона сверху. Жало скорпиона смотрело вверх, как пика, а вход располагался между опущенными клешнями.

– Именно здесь, в этом месте, праотца укусил скорпион, – торжественно сказал Старый, обведя посохом всю картину.

Я стоял, рассматривая место, куда мы пришли. Вход закрывался каменной дверью в мой рост, и, кажется, я ее сдвинуть точно не смогу. Лапы скорпиона спускались по склонам насыпи и упирались в землю. И хвост его торчал в небо метра на четыре точно.

– Так, хорошо, мастер зверь, – кивнул я, – Что мне делать? Внутрь идти?

Посох больно клюнул меня прямо в лоб.

– И даже думать не смей! Наказание за осквернение – смерть.

– Понятно, – я потер лоб, – Простите, я не знал, мастер четвертое жало.

– Естественно, не знал. Это особое место, и здесь, перед входом, я попробую воспользоваться силой рода, чтобы полностью увидеть тебя.

Он повернулся к склепу, иначе я это место назвать не мог. Старый поднял руку с посохом, выставил вторую ладонь, и зашептал. Я не разбирал слов, но точно мог сказать, что этот язык я не знал.

Я так и стоял чуть позади, от скуки вращая головой. Ничего интересного не происходило, лишь сверчки трещали где-то в траве. Все так и дул пронизывающий ветерок, и я забеспокоился, как бы не подхватить пневмонию. Все-таки я сейчас задохлик еще тот.

Через несколько минут я вдруг понял – что-то изменилось. Это как если находишься в комнате один, и вдруг чувствуешь, что рядом кто-то есть. Кто-то вошел.

Я видел перед собой знахаря, слышал, как он бубнит под нос, но я кожей ощущал на себе чей-то внимательный взгляд. Когда я служил в горячей точке, там довольно быстро появилось чувство опасности. Я завертел головой.

– Пу-у-усть... подоиде-е-ет... – раздался тихий, шелестящий шепот.

Так могла шуметь трава или листья на деревьях, но человеческий речевой аппарат точно не сможет воспроизвести такое. Я и так от холода околел, а тут у меня еще больше мурашек пробежало.

Старый чуть развернулся:

– Подойди.

Я послушно встал рядом с ним. Но знахарь толкнул меня в плечо, отправляя вперед:

– Ближе, к самому входу.

Сделав еще несколько шагов, я остановился перед каменной дверью. В лунном свете все было залито черными тенями, и непонятно было, как она открывается. Подняв глаза, я с чувством опасения глянул на морду скорпиона. Ночью он казался едва ли не живым, и скульпторы очень постарались, изображая голову членистоногого.

Кажется, через миг многочисленные глаза загорелись едва видимыми огоньками. А может, это отражалась луна.

– Ви-и-идим... – будто выдохнул скорпион, и меня пробрало до дрожи.

Так, спокойно. Удивляться будем потом, пока принимаем это, как данность. Каменный скорпион что-то шепчет. Какое этому объяснение? Высокотехнологичная элита установила динамики в статую, а дремучие варвары все принимают на чистую веру. Все, мой мозг теперь спокоен.

– Покажите мне, – сзади послышался голос знахаря, – Мне надо увидеть.

Воцарилась тишина. Я чувствовал на себе цепкий взгляд, будто меня, как новорожденного на приеме у педиатра, переворачивали и рассматривали.

– Не-е-ет...

– Но почему? – раздался слегка возмущенный голос Старого.

Я обернулся. Да, знахарь был явно удивлен решением предков. Что случилось, это впервые так?

– О-о-он... отомсти-и-и-ит...

Старый склонил голову, и вдруг опустился на колено, положил посох рядом. Что-то зашептал.

Я так и стоял, только и крутил головой. Услышав про месть, я вспомнил Кротова, моего наемателя-министра. Если этот скорпион говорит об этом...

– Учи-и-и... его-о-о-о...

– Но... зачем? – знахарь поднял голову, – Учитель сказал, что это просто Ноль.

– Ты-ы-ы... хо-о-очеш-ш-шь... зна-а-ать?

– Да, – Старый встал, – Я несу ответственность за племя.

– Смотри-и-и...

Знахарь закрыл глаза. Развел руки. И вдруг его лицо затрепетало, запрыгали брови и задрожали губы. В свете луны я видел, как пот заструился по его лицу, он затряс головой, будто не хотел видеть того, что ему показывали. Я увидел, как покатались крупные слезы по его щекам, он поджал губы, но не открыл глаз.

– Ах, – через миг он упал на одно колено, схватившись за голову.

Я думал подскочить к нему, но он остановил меня, выставив ладонь. Затем Старый открыл глаза, вдохнул, и встал, гордо выпрямив голову. Судя по его взгляду, он увидел что-то такое, что потрясло его до глубины души. Увидел и принял.

– Хорошо, – сказал он покорно, – Пусть будет так.

Я снова оглянулся на статую скорпиона. Та смотрела на меня как-то тепло и грустно, пахло даже чем-то родным.

– Пошли, – дрогнувшим голосом сказал Старый, поднял свой посох и, развернувшись, молча пошел прочь.

Его походка вдруг стала совсем старческой, будто резко ему на плечи свалили еще сто лет сверху. Да что ему такого там показали-то?

Я вздохнул. Посмотрел на небо, на луну. Вдохнул холодного воздуха. Как же я замерз.

И вдруг я почувствовал новый взгляд. Меня чуть не прибило к земле этой волной ненависти и злости. Кто-то смотрел на меня, как на букашку, и хотел раздавить, задыхаясь от омерзения. Но почему-то не мог.

Я оглянулся на каменного скорпиона. Нет, это не он. Статуя как-бы потухла, отключила эмоциональный фон, и теперь ощущалась просто камнем.

Взгляд шел откуда-то сверху. Неужели с неба?

Я попытался себя успокоить, что это могут наблюдать из деревни. Мало ли, вдруг кому-то не нравится, что столько возни с обычным Нулем.

– Охренеть просто, – стуча зубами от холода, выдавил я, но удивляться больше не стал.

Сначала надо собрать информацию. Я не знал многого, и от того все казалось таким странным. Насколько я понял, меня будут учить. Покручусь здесь недолго, и отправлюсь искать своего тринадцатого. Пока что я чувствовал, что еще успеваю. Раз моя душа при мне, значит, точно еще никуда не опоздал.

Затем я, чтобы согреться, трусцой припустил следом за Старым, который отошел уже на приличное расстояние.

Мне снился сон.

Никаких Абсолютов, невидимых страшных существ, никаких воинов-скорпионов. Только я и моя семья. Мы отдыхали в нашем, самом обычном, мире.

Гуляли по парку, катались на аттракционах, сидели в кафешках. Я, Лиза и маленькая Эльза. Как смеялась моя жена, это было мое «лизанутое» царство. И я был счастлив, как никогда.

И почему-то даже ощущение того, что все это прощальная прогулка, не портило сон. Лиза всю дорогу говорила мне, что я справлюсь, что они всегда будут со мной. А я просил ее замолчать, и не понимал, что за ерунду она говорит.

– Марк, только сильно не скучай, ладно? Мне очень плохо, если так будет, – просила Лиза, нежно обнимая и заглядывая в глаза.

Эльза же не отлипала от меня, капризничала, хотела на руки, и я был этому рад.

Но все хорошее имеет свойство заканчиваться. Я засыпал с женой в обнимку, в нашей спальне, уже после того, как уложили неугомонную Эльзу. Лиза чуть поплакала, сказав, что это последняя наша ночь, а я успокаивал ее, пытался выгнать из ее головы этот бред. Я чувствовал ее тепло, ее губы, ее руки, и уткнулся носом в ее волосы. Мне было хорошо...

– Мне так хорошо, – сказала Лиза и поерзала головой на моей груди.

Я напрягся. Сказала чужим голосом. Не своим. И тут я проснулся....

На том самом лежаке, на котором я засыпал этой ночью, я лежал не один. Рядом, на моем плече, покоилась копна каштановых волос, ласковая рука елозила по моей груди, теребя завязки бинтов. На моих тощих ногах лежала нога. Красивая нога. И были мы с ней в чем мать родила, я отлично видел гитарные изгибы женского тела.

– Ты кто? – только и спросил я.

– Адрианна, – ко мне повернулись чистые карие глаза, – можешь звать Адри.

– А что ты тут делаешь, Адри?

Она даже смутилась. Я заметил, как она слегка покраснела, а потом улыбнулась:

– Мастер четвертое жало, конечно, говорил, что ты со странностями. Но ночью я этого не заметила.

Адрианна погладила мой живот, рука поехала вниз...

– Погоди, погоди, – я схватил ее руку, – В смысле ночью? А мы что, это самое...

– Я бы даже сказала, этой ночью было самое то! Я не ожидала этого от такого худенького, тем более, нуля. Да ты еще и ранен был, говорят.

Я почувствовал, что сейчас покраснею.

– Ты, наверное, и не помнишь, но я грела тебя все полторы недели, что ты лежал в забытьи, – совершенно беззаботно сказала Адрианна, убирая непослушную прядь с лица.

Услышав это, я только вытянул губы уточкой от удивления. Да все даже еще хлеще, чем я представлял.

– Так... я... а... – я немного опешил от этого, и не мог подобрать слов.

Вообще-то я всегда считал себя верным мужем, и дело было даже не в каких-то принципах. Мне не нужна была другая, и я не задумывался о левых похождениях от слова «вообще». А сейчас меня разрывали совсем уж противоречивые чувства...

Что было в бреду, уже не изменить, но сейчас я вполне мог за себя отвечать.

– А зачем все это? – наконец спросил я, взяв себя в руки.

– Таково повеление старейшины, – пожав плечами, сказала Адри, – Сначала тебе было нужно тепло, а потом... ну... а кто такая Лиза?

Я вздохнул, и свободной рукой потер лицо. Остатки сна как-то совсем уж улетучились, и я глянул на маленькие окошки под потолком. Судя по углу солнечного света, время было уже позднее.

– Это моя жена, – сказал я, и сглотнул подкативший ком.

Адри чуть отстранилась, заглядывая мне в глаза.

– А где она? Почему ты с ней прощался?

Я понял, как мне до этого нужно было высказаться хоть кому-то о том, что произошло со мной и моей семьей. Мне просто не хватало сочувствующих глаз, кому бы я мог хоть о чем-то рассказать, хоть самую малость.

Понятно, что эта Адри, скорее всего, расскажет все старейшине. Но это и не было такой важной информацией, уж в этом-то мире этим никто воспользоваться не сможет.

– Она погибла, – выдохнул я обреченно.

Я впервые это сказал, и даже стало немного легче. По щеке покатилась слеза, и Адри забрала ее большим пальцем.

– А как тебя зовут? По-настоящему?

Я, как обычно, хотел сказать, что не помню, как вдруг... А ведь во сне жена назвала меня Марком.

– Марк... – осторожно сказал я и почувствовал, что раньше много раз говорил это.

– Я не знала про твою жену, Марк, – сказала она, положив мне голову на плечо, – И ты был в бреду все время. Вот бы меня так любили, – она вздохнула.

– Ну, такую красоту... – начал было я, и осекся.

Насколько нормально лежать голышом с девушкой после ночного секса, и успокаивать ее, что у нее еще все впереди. Правда, насколько я помню свои молодые похождения, еще когда не знал Лизу, по утрам я особо не болтал со случайными подружками. Они и сами старались поскорее уйти, ведь лишние слова – лишние обязательства.

Адри молчала, чуть сильнее прижавшись, и я непроизвольно обнял ее покрепче. В голове всплыли подробности ночной прогулки со Старым, и его рассказы об этом месте. Как он тогда сказал? Инфериор, нижний мир Регнума.

А еще о какой-то мере. Небо каждому определяет его меру.

– Адри?

– Да?

– А ты какая мера?

Она подняла голову и улыбнулась.

– Госпожой можно меня не звать.

– Да я серьезно. Я, знаешь ли, память потерял, пытаюсь все вспомнить. Просто необычно, что ты вот так просто... – я обвел рукой наше ложе, – ...с нулем.

– Ты же спас жизнь старейшине, – она округлила глаза, будто я глупость какую сказал, – Это честь – помочь сохранить тебе жизнь.

Тут она чуть отвела взгляд в сторону, а потом показала на маленький подсвечник, приделанный к стене. Ночью этот светец, насколько помню, горел.

Адрианна раскрыла ладонь, закрыла глаза. Еще миг – и маленький огарок, торчащий из подсвечника, вспыхнул огоньком.

– Ого! – у меня округлились глаза.

Уж точно она не с пульта зажгла, она же у меня вся на виду.

– Так ты маг?

Она округлила глаза, и засмеялась.

– Да ты что? Личный путь мага – это звери, вторая мера, – и она грустно прикрыла глаза.

– А ты?

– Первая мера. Мы – стихийники, нам доступны только четыре стихии природы. Я вот чуть-чуть владею стихией огня.

Я округлил глаза. Первая мера. Стихийники. Так это про них эти скорпионы все время небрежно отзывались «стихушники»?

В голове снова все перемешалось. Насколько я помню всякие книжки, там маги, которые владеют стихиями природы, самые сильные. В голове сразу возникла картинка, как Адрианна в красном балахоне стоит, выставив ладони, а впереди в огне полыхает целый город.

И это она стихушница?

– Я слежу за очагами, чтобы огонь никогда не угасал. Поэтому и согреть тебя послали, – она довольно мило покраснела, – Потому что горячая.

Глава 7. День

Скрипнула дверь, и мы с Адри повернули головы. Я непроизвольно прикрылся рукой. Вошла та самая седая женщина, и окинула нас строгим взглядом. Все в том же сером платье с зеленой вышивкой, волосы ее были убраны в хвост, а в руках она держала какой-то сверток.

– Что я там не видела, Ноль, – усмехнулась гостья, посмотрев на мое тело, – За полторы недели всего рассмотрела, пока травами пользовала.

Я не помню, когда краснел последний раз. Было это еще в школе, наверное, потом, уже во взрослой жизни, стыд как-то превратился во что-то абстрактное.

Но сейчас я прикрылся краской, аж уши загорелись. И кажется, тут больше проблема в том теле, в котором я нахожусь. Этот проповедник был довольно скромным.

– С-спасибо, – выдавил я из себя.

– Адри, дряная ты первячка, – седая окинула недовольным взглядом девушку, – Не нагрелась еще? Уже два дня как здоров, а она все тут!

Адрианна вскочила, пряча глаза под шикарную копной, и я успел увидеть всю ее в еще более удобном ракурсе. Но она схватила лежащее рядом с лежаком платье и, быстро накинув его, прошмыгнула мимо гостьи к двери:

– Простите, госпожа Фрона.

– Стой!

Адрианна остановилась у приоткрытой двери, чуть повернулась, и я увидел под каштановыми волосами, что она тоже покраснела.

– На площади добавь силы в огонь павших, и в общинном доме камин этой ночью плохо грел. Посмотри.

– Хорошо, госпожа Фрона.

– Ступай, Адри.

Девушка стрельнула в меня глазками из-под пряди и исчезла за дверью, сверкнув пятками. Седая Фрона проводила ее взглядом, а потом повернулась ко мне.

– Вставай, Ноль, хватит валяться. Если сил хватает девок топтать, пора уже отрабатывать свое лечение, – и она бросила мне на грудь сверток.

Затем она подошла к столу, плеснула в кружку воды из кувшина и, поставив, подержала над ней ладонь. Взяла с полки один из мешочков, вытащила оттуда листочек, растерла ладонями и бросила в кружку. То же самое она проделала, сняв с полки еще пару мешков и банок. Помешав содержимое деревянной ложечкой, она сказала:

– Выпьешь это, и выходи. Старый долго ждать не будет.

– Хорошо, – кивнул я.

Она сложила руки на груди и смирила меня взглядом. Через пару секунд я догадался и добавил:

– Госпожа зверь.

– Фрона... Госпожа Фрона, – она поморщилась и вдруг неожиданно пригладила волосы, – Зверь... это как-то не звучит, правда ведь?

Это у нее вышло так женственно, и я в очередной раз заметил, как теряется ее возраст. Ни морщинки, и глаза с молодой искоркой.

– Да, госпожа Фрона, – сказал я, – Вам так гораздо лучше.

Она усмехнулась.

– Ноль, на Адри не подумай плохого, она хорошая девушка. И стихия огня в ней сильная, а это редкость. Как там? И днем с огнем не найти стихушника с огнем.

Я так и лежал, прикрывшись рукой, и Фрона, снова окинув меня взглядом, подмигнула и вышла, притворив дверь. Я быстро вскочил, удивившись, что ничего не болит и нигде не

тянет. В свертке обнаружились чистые рубаха и штаны из грубоватой ткани. Впрочем, когда я вспоминал то рваньё, в котором был привязан к столбу, мне здесь все казалось брендовым качеством.

Я схватил кружку и, охнув, быстро поставил назад. Горячая, чуть не обжегся. Как так-то?

Уже осторожно, держа кончиками пальцев, я отпил. Ну, как чай, только с добавками. Обжигаясь и втягивая по чуть-чуть, я быстро допил снадобье.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, но все еще грело по-утреннему. Тренировочная площадка была забита людьми. «То есть, зверьми», – быстро поправил я свои мысли.

Разгоряченные и потные, совсем молодые скорпионы с деревянными клинками носились между тренажерами, осыпая их градом ударов. Они отрабатывали десять ударов на тренажере, быстро перескакивали к следующему и снова тот же удар, но в другой плоскости. И так сменяли друг друга по кругу.

На площадке спарринговались сразу несколько скорпионов, и между ними ходили старшие воины. Они развешивали затрешины и кричали на молодняк, чтобы правильно «били, защищались, стояли, прыгали»...

– Ты куда, зверье пустое, блок поставил? Без рук остаться хочешь?

– Кто так бьет, двуху бестолковая?!?

– Куда прыгаешь, звереныш? Ноги не отрывать.

– А голову кому открыл? Лучше сразу отруби, и врагу отдай!

– Ну бляха-двуха! Ты куда задницу отключил?

Эти крики сразу напомнили мне нашу подготовку во время службы. Ох, как любил наш сержант повыражаться на американский манер, зато мы его всегда пародировали смешно.

– А ты, ведро пустое, с нуля ли встал тут?!?

Я вздрогнул и повернулся.

Сбоку неслышно подошел Торбун. Зеленой краски на нем уже не было, обычный здоровенный мужик. Лысый, бородатый, и злой, как черт.

– Я... это... меня Старый искал, мастер зверь, – замаявшись, сказал я.

– Обойдется твой Старый! Надо будет, найдет! – он грубо толкнул меня в сторону площадки, – Быстро клаву взял, и в хоровод встал!

– Клаву? – я растерянно посмотрел на площадку, пытаюсь высмотреть хоть что-то, напоминающее эту самую клаву.

На мой скудный ум шла только клавиатура из современного мира, но ничего подобного я не наблюдал.

– Меч деревянный, нуля твоя башка! – рявкнул Торбун, – Пшел в хоровод, и смотри, что делают.

Я подбежал к стойке под насмешливыми взглядами потных сопляков. Старый мог хотя бы ночью намекнуть, как у них эти палки называются? В нашем мире в ходу только японское слово «боккэн», других аналогов я не знал.

Мимо стойки как раз пролегал маршрут хороводящих по тренажерам, и, когда я протянул руки к одной из «клав», мне по спине прилетел хлесткий удар. Меня кинуло прямо на стойку, ее опрокинуло, и деревянные мечи с грохотом осыпались на землю.

– Ты, – рявкнул один из старших воинов, ходивших по площадке, – Быстро собрал!

Я, едва разогнувшись, до того горела спина, кивнул и попытался встать. К счастью, тело послушалось с первого раза, и через миг я с криком уперся, чтобы поднять конструкцию из брусьев. Стойка была охрененно тяжелая, и мой тощий дрищ никак не справлялся.

– Сно-о-о-ор! – послышался грозный окрик Торбуна, – Думаешь, я не видел? Быстро помог, или козлиное дерьмо будешь отскребать!

Я не успел удивиться, какое-такое козлиное дерьмо, и откуда отскребать, как рядом со мной возник здоровенный парень, два меня. Ну, как есть вторая мера! Черные волосы, заплетенные в косу, угловатое лицо с татуировкой на подбородке – и злющие глаза, прожигающие насквозь. Видимо, тот самый Снор. Он быстро присел на корточки и ухватился за брус, оттолкнув меня.

– Чтобы ты сдохло, говно нулячье! – прошипел он, и одной рукой быстро кинул стойку на место.

Бросившись собирать деревянные «клавы», я сунул в охапку сразу штук восемь. Побежал к стойке – и грохнулся со всего маху, с треском раскидав свой урожай и почувствовав резкую боль в подъеме стопы.

– Да он сам, я же не заметил, – слышался голос Снора, – Я как раз хотел клавишу поднять, а он об нее...

Ох, и козел! И татуировка маленького жала у него очень походила на козлиную бородку. Будешь ты у меня козлом, зверь.

Я молча встал, собрал свои клавы, и, прихрамывая, подошел к стойке. Аккуратно расставил под хмурым взглядом Торбуна, стоявшего снаружи всего тренировочного комплекса. Когда я закончил и взял в руки подходящую клавишу, он махнул головой, чтобы я встал в хоровод.

Кажется, в его взгляде я прочитал даже немножко уважения.

– Рубим сверху! – рявкнул Торбун.

Я внимательно посмотрел, что делает впереди идущий юнец. Держим оружие в обеих руках, короткий взмах вверх – и резко опускаем вниз. Цели, по которым надо было бить, находились под разными углами. Я стукнул пару раз по горизонтальному бревну, примеряясь к своему мечу. В руки отдавало ощутимо.

– Чего бьешь, как ноль? – крикнул старший.

– Так он и есть ноль, – раздался чей-то крик, и весь двор взорвался хохотом.

Я поджал губы.

– ТИХО! – рявкнул Торбун, и сразу воцарилась тишина.

– Мастер, а какого с нами занимается этот ноль? – спросил один из старших.

– Ну, стихушник если сильный, еще куда ни шло, там Небо шанс может дать, – сказал другой, – А ноль зачем?

Торбун вперил в меня взгляд, обещающий сжечь на месте, а потом спокойно ответил:

– Наказ Старого, – и тут же вскинул руку, прерывая поднявшийся ор, – И это не обсуждается!

Потом он подошел ко мне, выхватил меч из моих рук и крепко долбанул ей по бревну, аж слышался треск.

– Руки привыкнуть должны к боли, ты понял? – и он кинул клавишу мне обратно, – Продолжаем.

Снор, как ни удивительно, почему-то оказался прямо за мной, и иногда мне приходилось чуть ли не прыжком отскакивать от тренажера. Этот придурок специально заканчивал комплекс как можно быстрее, чтобы перескочить вперед и толкнуть меня в спину:

– Пошевеливайся!

– Снор, не сбивай темп!

– Мастер, я ж не виноват, что он улитка сонная!

Я очень быстро понял, что ненавижу этого Снора еще сильнее, чем он меня.

Так мы и кружились полчаса по кругу, осыпая ударами бревна, жерди, брусья. По скошенным под углом целям я тоже должен был попадать со всей силы, а затем резко останавливать меч. Особой пользы от этого махача я не видел, но руки уже болели нещадно. И мозоли, и дикая отдача. А стоило только пару раз схалтурить, как старшие мигом оказывались рядом.

– Хочешь, я сам твоим рукам больно сделаю?

Я упрямо тряс головой, и дубасил дальше.

Неожиданно напал дикий голод, и в животе у меня обнажилась километровая яма. Урчание, наверное, было слышно во всей деревне. Тут, как назло, еще и слабость в руках дала о себе знать. Пару раз клавиша чуть не вылетела из рук.

– Ноль! – окликнули меня.

Я повернул голову, смахнув пот со лба. Торбун стоял все там же, снаружи комплекса, а чуть позади него я увидел Старого. Десятник кивком подозвал, и я, осторожно оглядываясь на Снора, пошел поставить клавишу на стойку.

Снор как раз стоял возле бревен напротив, и, чтобы выйти, надо было его обойти по широкой дуге. Судя по взгляду Торбуна, я и так слишком долго копаюсь, поэтому я, недолго думая, все же пошел прямо за спиной жалобородого.

Я сразу догадался, что юный козел задумал пакость, поэтому был готов. Снор специально замахнулся так сильно, что его клавиша вылетела далеко за спину, дугой наметившись мне в голову.

Но я остановился чуть раньше, и просто схватил палку, когда Снор завершил идиотский замах. Я схватил и потянул на себя, приставив ногу к его пятке. Сил придурку было не занимать, но положение у него было сильно невыгодным – с руками, закинутыми за голову, и опорную ногу выставить он не успевал. Либо отпустить клавишу, либо упасть.

Через миг меч оказался у меня в руке, а Снор крутанулся, смешно выкинул ногу вперед, и даже оперся о мое плечо. Воцарилась тишина. Он понял, что не упал только благодаря мне, отдернул руку и прожег меня взглядом. Он собирался что-то прошептать, а я грубо сунул ему клавишу:

– Потерял, господин зверь. Осторожней надо быть.

Его кулаки сжались, но он стрельнул глазами в сторону Торбуна. Тот внимательно смотрел на нас. Старый чуть посмеивался, поглаживая седую бороду.

– Ты труп, – тихо выдохнул Снор, потом повернулся и примерился к бревну.

Я благоразумно отошел, не желая больше попадать под его «нечаянные» удары. Но сзади вдруг раздался крик, и я, вздрогнув, резко повернулся, чтобы успеть защититься.

– НА-А-А! – и Снор в ярости рубанул клавишей по бревну.

Меч свистнул и раздался треск. Я смотрел, не веря своим глазам – бревно надломилось. Вокруг стало тихо, слышно только сопение.

– Сила оружия! – с завистью выдохнули все юнцы на площадке.

Снор с дикой улыбкой глянул на меня, снова поднял меч над головой, и с таким же криком рубанул еще раз:

– НА-А-А!!!

И бревно разлетелось на две половинки, которые крутанулись на своих опорах.

– Молодец, Снор, – сказал один из старших, – Будешь так продолжать, второе жало твое. Я отвернулся и пошел к Торбуну.

– Иди, Старый все-таки нашел тебя, – он кивнул на старика за спиной.

Тот сразу недовольно заворчал:

– Я же сказал, что ищу тебя. Почему я тебя здесь вижу?

Я оглянулся на Торбуна, но тот, глядя лысую макушку, беззаботно смотрел куда-то в сторону, будто он тут вообще не причем. Вот же зверье пустое!

– Простите, мастер зверь, я хотел научиться защищаться.

– Пошли быстро за мной, – Старый развернулся, – К учителю.

Я вздохнул и припустил следом – знахарь ходил быстро.

– А разве меня не показывали уже ему, мастер зверь?

– Ты в бреду был, при смерти считай. Сейчас в норме. Посмотрим, что скажет.

Мы прошли мимо нескольких домов, и я мог во всей красе рассмотреть деревню Скорпионов получше. Я думал, что арена с тренажерами это центр поселения, но выяснилось, что их было несколько, и все забиты юными и взрослыми воинами. Да и сама деревня оказалась намного больше, чем я думал.

А главной оказалась совсем другая площадь, не намного больше тренировочной. В центре был установлен высокий тотем из толстого бревна, по типу как у индейцев. Перед ним на подставке стоял круглый чан, из него поднималось ровное пламя. Сам столб был изрезан всевозможными узорами скорпионов, и, получается, состоял как бы из семи сегментов, разделенных перешейками.

Три нижние части были густо изрезаны рисунками, иероглифами, какими-то письменами. Четвертая была не так богата на узоры, а выше пятой все вообще было чисто.

– Семь ступеней меры, семь жал, – пояснил Старый, указав посохом на тотем.

– Почему всего четыре украшены? – спросил я.

Знахарь резко развернулся.

– Украшены? – он нахмурился, – Следи за языком, Ноль. Это имена и знаки наших павших воинов.

– Простите, мастер зверь.

Он двинулся дальше, поманив за собой.

– В роду Скорпионов не было зверей выше четвертого жала. Быть может, мой учитель получит пятое.

Я проводил взглядом расписанный тотем и чан с огнем. Наверное, это тот самый огонь, за которым следит Адри?

– Учитель совсем плох, – признался Старый, – Последние события подломили его, а когда Троргала не стало...

Он махнул рукой.

– Как не стало? – удивленно спросил я.

Я отлично помнил того брюнета, первым метнувшего в меня топор в той деревне, где я очнулся. Веселый был здоровяк.

– Он погиб в том нападении, почти две недели назад, – вздохнул Знахарь, – Это внук учителя. Сраные Клыки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.